

Дарья Макарова

Тонкие струны души разрывая

Дарья Макарова

Тонкие струны души разрывая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68619930

SelfPub; 2022

Аннотация

Золотая клетка заманила ее не блеском дорогих прутьев. Еву искусили прочность стен роскошной темницы и простота правил новой жизни, сулившей покой и безопасность. Но райская пташка создана для любви и свободы. От судьбы ей не спрятаться. И хочет она того или нет, ветер перемен уже играет на тонких струнах ее души. Что принесет он: гибель или счастье? Неведомо. А фургон похитителей уже мчится прочь от влиятельного миллионера, готового залить кровью улицы города, лишь бы вернуть свою ненаглядную.

Дарья Макарова

Тонкие струны души разрывая

Крупные капли снежно-грязевой жижи падали на лобовое стекло, расплзались по поверхности неровными склизкими пятнами. Буйство петербургской погоды заставляло работать дворники на износ, только толку от этого было мало. Город захлебывался в потоках из снега, грязи и соли.

Измученные долгой зимой горожане уже не смотрели в надежде на небо. Солнце явно позабыло дорогу в наш город. Все вокруг казалось мерзким и безнадежным.

Промчавшийся мимо лихач умудрился создать в огромной луже целое цунами. И волны его обрушились прямоком на меня. Чертыхнувшись, я пожелала придурку «счастливого» пути и немного сбавила скорость. Несколько секунд спустя, когда дворники разогнали грязь и улица вновь стала отчетливо видна, я сделала громче музыку и продолжила свой путь.

Как ни крути, а февраль в этом году ни к черту не годился. Впрочем, как и январь, и декабрь. Все три месяца – один сплошной ноябрь. Гноябрь. А хотелось лета и праздника. Но даже мечтать об этом уже стало не интересно – слишком од-

нообразно. Мечты ведь тоже приедаются. Если не сбываются.

Одни лишь диджеи на радио не теряли оптимизм и стойкость духа. Интересно, что им добавляют в кофе? Не могут же люди день ото дня быть так неприлично веселы и счастливы...

– ...пляжи Шри Ланки славятся чистотой, а вода цвета изумруда...

А ведь он прав. Шри-Ланка. Дивное должно быть место. А я там не была... Мысли тут же унеслись в дальние теплые страны. В небывалые места, где нет ни только снега, но и проблем. Разочарований.

Хотя я вполне была бы довольна сегодняшним днем, проведя его с книжкой под теплым пледом. Путешествия в книгу я обожала всегда. И что приятно, они не требовали особых усилий и долгих перелетов.

Но мой любовник имел другие виды на мое время. В своем до краев заполненном календаре он выкроил свободный час. Придумать стоящую отговорку я не смогла – лень. И примчалась в его квартиру по первому зову.

Час превратился в два. Влад, чертыхаясь и одеваясь на ходу, стремительно покинул «гнездышко», а я поплелась домой. То есть, я бы, конечно, помчалась, аки гонщик Формулы-1 (новенькая спортивная «Ауди» позволяла), но чертова погода и здесь все испортила. Город сковало пробками. И я то и дело попадала в одну из них.

Мой дом находился в тридцати километрах от города в славном месте под названием Осиново. Название поселка неизменно вызвало у меня недоумение, ибо ни единой осины я за все время так и не увидела. Зато сосны были повсюду. Но не мне критиковать чужую фантазию – своя даже на тройку не тянет.

Прорвавшись к шоссе, я приободрилась. Вопреки обыкновению, пробки здесь не наблюдалось. Оно и правильно, офисный люд еще не успел покинуть опостылевшие кабинеты и забить дорогу под завязку.

И все бы было славно и привычно, если бы... Ох уж эта частица «бы». Никогда ее не любила. С самой школы она казалась мне предвестником всех бед.

Впрочем, у виновника произошедшего было и более реальное лицо. Правда, я его не запомнила.

О хамстве на дорогах можно говорить сколько угодно много. Ветер сотрясать нетрудно, а время коротать помогает. Действительно важной эта тема становится только тогда, когда, вылетев с шоссе, ты стремительно летишь в кювет.

Полет. Его я запомнила лучше всего. Моя машина, оторвавшись от земли, летит в сторону леса. Я уже ничего не могу исправить. Но страха нет – удивление. Потом удар. Кажется, я закричала от боли.

Из блаженной темноты меня вырвал чужой голос. С трудом разлепив глаза я увидела склонившегося надо мной парня. Он что-то говорил мне, но слов было не разобрать. Музы-

ка орала так громко, что, казалось, перепонки вот-вот лопнут. По правому виску, затекая за воротник кофты струился горячий ручеек. «Кровь», – подумала я, но ничуть не испугалась. Внимание привлекли осколки стекла, рассыпавшиеся по всему салону. Они вдруг сказочно ярко засияли. Неожиданно из-за непроницаемых туч показалось долгожданное солнце.

Едва улыбнувшись ему, я вновь потеряла сознание.

– Не переживай, – отмахнулась Анжела. Она всегда и ко всему относилась легко. За это я ее и ценила. – Была одна тачка. Будет другая. Железо оно и есть железо.

– Жалко, – потеряв бесконечно чешущуюся загипсованную руку, призналась я. – Цвет красивый. Был.

В плату вошел мой лечащий врач. Он являлся по несколько раз на дню и неизменно сюсюкал. Подобная манера поведения была для него столь же непривычна, сколь противна мне. Но он слишком боялся Влада, чтобы вести себя как-то иначе.

Украдкой бросив взгляд на Анжелу, эскулап растянул губы в чуждом ему мимическом движении лица. В народе его именуют улыбкой. Я поморщилась, не сдержавшись. Анжела же хитро мне подмигнула.

Сказать по правде, она – красавица. И заслуживает того, чтобы смотрели на нее не исподтишка, а не скрывая обожания и восхищения. Без всякого сомнения, Анжелка бы-

ла способна взять в плен без боя любого мужчину. Великолепная фигура и не сходящая с губ томная улыбка делали их безоружными, пластилиновыми. К тому же, джентльмены предпочитают блондинок.

– Мерзкий дедок, – сморщила она чуточку курносый носик, стоило эскулапу скрыться за дверью.

– Еще один повод убраться отсюда, – с усилием приняв вертикальное положение, уверенно сказала я.

– Тебе еще две недели здесь велено быть, – напомнила Анжела.

– Мне чужие веления без разницы, – отрезала я. – Привезла?

– Обижаешь, – широко улыбнулась подруга.

Не без ее помощи я натянула на себя привезенную одежду. Спортивный костюм бросила в палате – я ненавидела больничный запах, а он въелся в ткань намертво. Убрала длинные волосы в тугую косу, я направилась к выходу. Анжела с нескрываемой завистью сказала:

– Я о такой косе всю жизнь мечтала. Как в сказке!

Вечные противостояния брюнеток и блондинок были мне не слишком интересны сейчас. Все мысли были заняты предстоящим объяснением с медицинским персоналом. Воображение услужливо нарисовало целый полк медсестер во главе с престарелым эскулапом, не дающий мне покинуть опостылевшую палату.

– Уверена, что не хочешь ему позвонить?

– Из дома.

– Обидится. Он ведь переживал.

– Стерпится-слюбится.

Вопреки всем моим опасениям вместе взятым, никакого сопротивления на своем пути мы не встретили. Преспокойно прошли по коридору мимо дежурной медсестры, миновали пост охраны и покинули задние больницы. Сев за руль, Анжела довольно сказала:

– Совок он и есть Совок. Хоть за деньги, хоть бесплатно. Всем на всех плевать.

Это действительно было так. И если кого-то чужое безразличие ранило, то меня устраивало всецело.

С несвойственной ей аккуратностью, ни разу не проехав на красный, Анжела доставила меня домой. Но задерживаться не стала, поспешив скрыться до появления разъяренного Влада. По какой-то причине она была твердо убеждена, что он будет в ярости от моего поступка.

Не разбив ни единой чашки, я сумела приготовить себе чай. Это прибавило оптимизма. Забравшись с ногами в кресло у окна, я наблюдала, как хлопья серого снега падают на прошлогоднюю траву, становясь частью ледяной скверны.

Тишину дома нарушал лишь сильный ветер, бившийся о стекло, и шум сгибающихся под его порывами деревьев. Когда-то меня пугала эта тишина. Но со временем я привыкла. В мире чужих и безразличных к друг другу людей полезно научиться уживаться с самой собой и собственными мысля-

ми.

Дом – подарок Влада. Просторный двухэтажный коттедж с огромными панорамными окнами по всему периметру и уютным садом когда-то казался мне слишком большим. Слишком много пустых комнат, ничем незанятых помещений и шкафов. Меня пугало собственное эхо, звуки и шорохи дома, сада. Но постепенно я привыкла и поняла, что возможность быть одной и есть его главная ценность.

Меж тем, люди, знающие толк в земле, высмеяли бы подобное утверждение. Ценить дом следовало бы не за это. Недвижимость в Осиново стоила целое состояние и была доступна лишь избранным. Но от избранных меня отделял высокий забор, что также несказанно радовало. Я не любила чужие секреты, а свои старалась держать при себе.

Убрав чашку в посудомойку, я поплелась наверх. Последние дни меня все время клонило в сон. Не то из-за полученного в аварии сотрясения, не то из-за таблеток, призванных его лечить. Над причиной я особо не размышляла, предпочитая сладко спать.

Первое, что я увидела, проснувшись – его нежно-насмешливая улыбка. Влад лежал на соседней подушке и наблюдал за мной. Придвинувшись поближе, я уткнулась носом в его грудь и спросила тихо:

– Злишься?

– Я знал, что стены больницы тебя не удержат. Так что,

вполне ожидаемо.

– Значит, нет?

– Если только на то, что ты позвонила своей чумовой подруге, а не мне.

– Анжела хорошая. К тому же, с ней меня познакомил ты.

– Есть такой грех, признаю.

Он замолчал ненадолго, щекоча дыханием мою макушку. Я балансировала на грани сна и реальности. Его близость дарила тепло и спокойствие.

Я догадывалась, о чем он думал сейчас. Придурков, что подрезали меня так и не нашли. Оба словно растворились. Номер телефона, с которого вызвали «Скорую», принадлежал какой-то старушенции, успевшей скончаться за пару месяцев до аварии. Номер машины никто из очевидцев не запомнил – попросту не разглядел из-за грязи. Камеры не зафиксировали его по той же причине.

Выходило, что мои обидчики остались безнаказанными. А Влад не выносил незаконченных дел.

Я заглянула в его глаза. Провела кончиками пальцев по слегка колючей щеке. Спросила тихо:

– Как давно ты здесь?

– Полчаса, может больше. Не хотел будить.

– Мило. И удивительно.

– Почему удивительно?

– Ты в моей постели уже полчаса, а я все еще в одежде.

Выписав витиеватый крендель под потолком, пробка рухнула на холодильник. Задорно смеясь, я бросилась за полотенцем. Хохоча и не пытаясь сдержать бившее фонтаном шампанское, Влад разливал его по бокалам. И он, и я были в сладко-пьяных каплях. Отставив бутылку и не позволив прибрать беспорядок, он притянул меня к себе. Целуя жадно, сжимал в объятиях до боли.

– Тост!

– Какой? – с трудом дыша, спросила я.

– За Властительницу дум моих!

– Ого! Я-то думала мы избавление от гипса отмечаем.

– И это тоже!

Взяв мою освобожденную от гипсовой кандалы руку, он нежно поцеловал запястье. Но, как обычно, не смог довольствоваться малым, и кухня была покинута прежде, чем опустели бокалы с шампанским.

Когда вновь воцарилась чистота, а шампанское сменила арабика, Влад хитро прищурился и сказал:

– Ты ведь не думаешь, что на этом все?

– Нас ожидает второй раунд развратных утех?

– Хорошая идея, – с выражением лица греческого философа кивнул он. – Но я совсем о другом.

Словно маленькую, он взял меня за руку и повел за собой. Укутал в шубу. Бросив кому-то из охраны по телефону короткое: «Давай!», вывел на крыльцо.

Ворота развелись и пред наши ясно очи явилось небес-

но-голубое диво. При ближайшем рассмотрении диво оказалось «Бентли». Модель была уникальна. Всего в мире таких двенадцать. Одна из них у меня.

Об этом мне поведал Влад. Я же смотрела на диво растерянно, не зная толком, как реагировать. Подобный ступор находил на меня всегда, когда щедрость любовника переходила все разумные границы. Выжав из себя улыбку, я проворчала:

–Спасибо!

Влад моей реакции не удивился – привык. По-хозяйски привлек к себе. Он то точно всегда знал, чего хотел. И какой должна быть моя благодарность решил заранее.

– Ля-по-та-а-а-а, – оглядывая мой подарочек, пропела Анжела. Плюхнулась на водительское место и вновь повторила. – Ля-по-ти-ща-а-а-а...

Последние десять минут она употребляла исключительно эти два слова. Впрочем, ее это нисколько не смущало. Я же успела замерзнуть. Теплая шубка не слишком спасала от штормового ветра. Поспешив в дом, я бросила на ходу:

– Я ушла радоваться в тепле. Надоест, присоединяйся.

Расчет был верен. Радоваться, как и горевать, Анжела была попросту неспособна в одиночестве. Ей всегда был необходим зритель. Желательно несколько.

В рысевой шубке нараспах она помчалась следом. К моменту появления на столе чая и пирожных дар речи к ней вер-

нулся.

– Что-что, а подарки делать Влад умеет.

– Талантливый человек талантлив во всем.

– Русик хоть бы раз сам смекнул что да как. А то все самой да самой, – пригорюнилась она. – Ведь ни за что не догадается, что женщине требуется.

– Боюсь, не родился тот, кто сможет угадать все твои желания, – засмеялась я.

Русик, он же Руслан Порубеев, был деловым партнером Влада на протяжении многих лет, а последние годы его заместителем. Несмотря на разницу в возрасте, а Русик был старше Влада на восемнадцать лет, они неплохо ладили. Впрочем, тех, кто с ним не ладил, Влад убирал сразу и без всяких предпочтений.

Жалуясь на нерасторопность любовника, Анжела не столько приуменьшала его способности, сколько свои. В умении заставлять мужчин раскошелиться ей равных было не сыскать.

– Одно другому не мешает, – отмахнулась она. – Мог бы иногда мозги напрячь – полезно. А то дошло до того, что я придумываю, что его дочери на день рождения подарить. Хорошо хоть не жене.

– Уверена, компенсация за твои усилия была достойной.

– А то, – плотоядно улыбнулась Анжела. – Те сережки с изумрудиками помнишь? Цветочками?

– Помню. Красивые.

– Еще бы! Я же сама выбирала. Но если еще что-то для спиногрызов делать заставит – так просто не отделается. Наплодил – а я думай.

– Не расстраивайся. Лучше скушай пирожное.

– Тебе легко говорить, – фыркнула Анжела и придвинула блюдо с пирожными ближе. – Влад свою благоверную в Штаты сослал. С глаз долой, и никакой мороки. А мой все выходные с семьей, праздники с семьей... бла-бла-бла. Бабник.

– Тяжела жизнь куртизанки, – усмехнулась я. Анжела прищурилась.

– Не каждой.

– Завидуешь?

– Чуть-чуть.

– Зря.

Подруга посверлила меня недовольным взглядом (чужие подарки всегда портили ей настроение) и изрекла задумчиво:

– Сколько я тебя знаю? Года два?

– Примерно так.

– Вот-вот. А все понять не могу.

– Чего именно? – насторожилась я. Попахивало разговором по душам, а я их терпеть не могла.

– Кто ты на самом деле? Хорошая девочка, играющая в плохую? Или плохая, играющая в хорошую?

– Как придется. В кого играть, решаю по утру.

– Ага, и в течение дня по пять раз меняешь амплуа.

– Раздражает?

– Нисколько. Интригует. Даже меня. Влад небось и вовсе стонет от восторга.

– Так, к чему вопрос?

– Просто так.

– Разговор начинает быть скучным.

– Вовсе нет, – оживилась Анжела. – Ты ведь красавица, это всякий скажет. Софи Марсо даже в лучшей своей форме рядом с тобой потерялась бы, слилась с обоями.

– Польщена.

– Еще ты умница. Красный диплом. Три языка.

– Два.

– Это поправимо. Будешь чаще общаться со мной, освоишь русский матерный.

– Пожалуй, это знание для меня лишнее.

– Отнюдь. Очень даже полезно – не будешь теряться в присутствии уродов.

– Подобного общества я предпочитаю избегать.

– Еще одна твоя загадка, – чему-то обрадовалась Анжела. – Влад поселил тебя за семью замками, а ты безропотно согласилась. Живешь затворницей, практически ни с кем не общаешься.

– А ты?

– Я не в счет, – отмахнулась она. – Я имею ввиду семью, друзей... Мне иногда кажется, что прошлого у тебя нет вообще. Почему так?

– Потому что раньше я сидела за семью замками в другом доме, а покинув его, оставила позади все: друзей, семью, воспоминания.

– Не верю.

– Не будь занудой.

– Неужели тебе не хочется вырваться? Паинькой ты никогда не казалась.

– Ну вот, а я так старалась.

– Напрасно. Ты больше похожа на дремлющий вулкан. Никогда не знаешь, чего ждать.

– Романтично. Но ты преувеличиваешь. Меня вполне устраивает моя жизнь. И, как ты сказала, вырваться, я не стремлюсь. Мне хорошо с Владом. Ему со мной. Пока это так, нечего менять.

– О, Влад! Почему ты с ним?

– Ну ты даешь! – искренне удивилась я. – Он прекрасен умом, телом и душой. Такого как он только и можно желать. Мне позавидует любая женщина.

– Ты позавидовала бы самой себе?

– Только этим и занимаюсь.

– И тебя не смущает, что он женат? – хитро прищурилась Анжела. Я равнодушно пожала плечами.

– Тебя же не смущает, что у Русика четверо детей и скоро появится внук.

– Я – это я. Ты – совсем другое дело.

– Я бы не была в этом столь уверена.

– Брось, – отмахнулась Анжела. – Будь у Влада, как у Русика, семья под боком, ты бы даже не посмотрела на него. Это очевидно. Как и то, что его брак давняя формальность. Он, пожалуй, собственную жену уже в толпе не узнает.

– Узнает или нет, а развестись не сможет.

– Бизнес есть бизнес – никуда не денешься.

– К черту, – махнула я рукой. – Давай сменим тему. Эта потеряла всякий шарм.

– Вот так всегда, – грустно вздохнула она. – Стоит приблизиться к тебе на шаг, а ты уже за километр удрала.

– Не будем изменять традиции. А что до хорошей-плохой девочки, то у медали всегда две стороны. Ты, например, искренне радуешься, что Влад меня побаловал. Но завидуешь, что «Бэнтли» не в твоём гараже. Скажешь, нет?

– Не скажу, – насупилась Анжела. – Мне эта машинка подошла бы больше. Но мысль я поняла.

– Вот и славно.

– Это не значит, что я тебе поверила.

– Разве я лгу? – подняла бровь я.

– Нет. Ты таишься – это куда опаснее.

– Да, я такая. Многоликая и опасная. И своим делиться не стану. Ни мыслями, ни чувствами, ни новеньким «Бентли».

Я примирительно улыбнулась. Но шутка моя Анжелу с мысли не сбила. И все же вредничать по долгу она не любила. Поставила пирожные поближе ко мне и сказала:

– А ты чего не ешь? Небось опять приготовила и не по-

пробовала даже. Очень вкусно! С вишней особенно.

Испробовать подарок Влада в действии я решилась на следующий день. И удивлению моему не было предела.

Мой водительский стаж насчитывал несколько лет. Одно время, увлекаясь путешествиями по России и Европе, я разменяла не одну сотню километров. Аварий до недавнего времени на моем счету не было (не считая забор на даче, что я подвинула на второй неделе после получения прав). В дороге со мной случалось всякое. Но такого лютого страха я не испытывала никогда.

Покрывшись липким потом, я таращилась на руль и не могла не то что тронуться с места – завести мотор. В день полета в кювет последнее, что я увидела перед тем, как потерять сознание – бьющееся лобовое стекло. Трещины расползлись по гладкой поверхности стремительно, словно сковав стекло паутиной.

И эта самая паутина теперь стояла перед глазами. Она словно собрала в себя весь мой страх. Оплела меня словно муху.

Едва ли не бегом, я помчалась в дом. Страх был так силен, что тряслись руки. Но заставив себя успокоиться, я вызвала такси и отправилась по своим делам.

Неделю спустя ничего не изменилось. Побороть саму себя мне пока не удавалось. Владу я врала, что побаливает запястье. Подобная отговорка казалась мне убедительной.

Но он считал иначе. А может, уже тогда понимал, что тучи над нашими головами сгущаются и появившаяся у меня фобия стала лишь поводом. Как бы то ни было, решил он все по-своему.

Как-то вечером, пока лазанья запекалась в духовке, он сказал:

– Хочу тебя кое с кем познакомить.

– Стоит ли?

Расширять круг знакомств я не любила. Если честно, предпочла бы его сузить как можно больше.

– Не переживай, – хмыкнул он. – На очередной скучный прием я тебя не потащу.

– Ура!

– Я нанял тебе водителя. Покатает тебя, пока рука окончательно не заживет.

Я хотела возразить. Но перед глазами вновь показалась знакомая паутина. И я нехотя произнесла:

– Ладно. Но это только на пару недель. Месяц – максимум. После ты его уберешь.

– Договорились, – кивнул Влад и позвонил кому-то. – Зайди.

Почти сразу на пороге моей кухни показался незнакомец. Высокий, жилистый, с типично петербургской бледностью на лице. Волосы цвета ржавчины коротко стрижены. Одет в джинсы и темный пуловер. В каждом дворе таких по трое. А в глазах не больше жизни, чем у дохлой камбалы.

Без особого интереса скользнув по нему взглядом, я поспешила напомнить себе, что это ненадолго. Знать бы тогда, сколько проблем принесет этот человек за столь короткий срок.

Таймер духового шкафа огласил весь дом о готовности лазаньи. Я бросилась ее доставать. Влад формально представил нас:

– Ева, знакомься, это Дима. Дима – это Ева, и за нее ты отвечаешь головой.

Машинально поздоровавшись, я сосредоточилась на блюде. Лазанью срочно требовалось посыпать сыром. Когда же я обернулась, Димы уже не было в доме.

Неделю спустя я признала, что идея Влада была не так уж и плоха. Дима появлялся на моем пороге ко времени, что я называла. И исчезал в тот самый миг, когда переставал быть нужен. Что он делал в промежутки, меня совершенно не интересовало. Главное, он не мешал мне. Остальное – его дело.

Был только один минус. Будучи большой любительницей ночной езды, я часто каталась по городу в одиночестве. Когда не спалось или мучили ненужные мысли. Мне не хватало этого. Но храбрости сесть за руль я в себе пока не нашла. Дима же в подобных поездках мог быть лишь помехой – думается всегда лучше в одиночестве.

Возможно, мы смогли бы уживаться с ним мирно. Если бы не ненароком оброненная Анжелой фраза, заставившая

меня взглянуть на ситуацию по-другому.

– Сегодня первый день весны, а на градуснике минус двенадцать, – пробурчала Анжела, вылезая из машины.

Недовольство подруги я разделяла всецело. Вместе с тем, мороз привел в город солнце, что радовало несказанно.

Выстукивая каблуками по заледеневшему асфальту грозный марш, она продолжала возмущаться:

– Не знаю, где шлялась зима отведенные ей месяцы, но являться в город в марте – большое свинство с ее стороны.

Спрятав ладошки в рукавах шубки, словно в муфту, я тихо поддакнула. Но тут же улыбнулась солнышку. Впрочем, долго злиться Анжела не смогла. Мы как раз подошли к месту назначения. Закинув голову вверх, она широко улыбнулась.

На историческом здании восемнадцатого века огромными буквами со множеством завитков красовалось ее имя. «Анжелика» гласила вывеска и заставляла петь ее сердце.

По словам Анжелы, о собственном ресторане она мечтала с младенчества. Несколько ее спонсоров обещали сделать желанный подарок, но лишь Русик не обманул девичьей доверчивости и слово сдержал. За подругу я радовалась. Правда, меня несколько смущало, что единственное блюдо, которое можно съесть в ее исполнении – это яичница (если не сгорит). С другой стороны, Анжелу это не волновало вовсе. Она справедливо утверждала, что ей готовить и не придется.

Открытие ресторана должно было состояться всего через

несколько недель. Пока же завершался ремонт, а нанятый Русиком управляющий набирал обслуживающий персонал.

Замерев посреди просторного зала, Анжела обвела придирчивым взглядом помещение. Рабочие замерли в испуге, управляющий схватился за сердце – скандалить она умела. Присутствующие знали об этом не понаслышке и заранее боялись всего на свете. И правильно делали. Им ведь выпала нелегкая доля – воплотить в жизнь дизайнерский замысел владелицы ресторана. Идеи у Анжелы били ключом и менялись по пять раз на дню, что приравнивало ремонт к боевым действиям. Подобная переменчивость объяснялась не только взбалмошным характером Анжелы, но и освоенной ею наукой. Ведь для успеха своего детища она усердно посещала годовые курсы дизайна (не пропустила ни одной лекции!) и пыталась воплотить в жизнь все то, чему ее научили. Причем разом.

Однако сегодня бури не ожидалось. Ткнув пальцем в стену, она сказала:

– Здесь!

– Как скажешь, – пожала плечами я.

– Не будем медлить! Едем!

Словно идя на таран, она помчалась к выходу. Я потрусила следом, слыша за своей спиной вздохи облегчения и радуясь чужому счастью. Все же это здорово, когда мечты людей сбываются. Это дает надежду на то, что и у моих есть шанс.

Сегодняшнее желание Анжелы особым масштабом не от-

личалось. Скорее пополняло ее идею о собственном ресторане.

Назвав детище своим именем, она вознамерилась повесить в зале собственный портрет в полный рост. Мать Анжелы была яркой почитательницей романов Анны и Сержа Голон о неустрашимой и неукротимой Анжелике. В честь героини она и назвала свою дочь. Однако Анжела страсти матери не разделяла. Оставленные ей в наследство книги открыть ни разу не пожелала. Зато в поисках вдохновения с явной пользой просмотрела все экранизации романа. Все же генетическая память – не пустой звук. А навеянные образы пришлось как нельзя кстати.

Костюм для портрета, соответствующий духу времени, сшила костюмер из «Ленфильма». Стилист превратил платиновые локоны в золотистые, убрал их в замысловатую прическу. О сохранности последней подруга особенно беспокоилась.

Мое участие заключалось в поиске художника. С учетом того, что им был мой друг, усилий это не потребовало. Рассевшись по машинам, мы помчались к Евсею. Жил он на другом конце Дворцового моста и уже через пятнадцать минут открывал нам дверь.

– Солнце мое, – пропел он, запечатлев на моей щеке поцелуй. – Вижу тебя и понимаю, что городу весна без необходимости, пока здесь живешь ты.

– Он точно художник? Не поэт? – поинтересовалась Ан-

жела, не дождавшаяся своего комплимента.

Евсей как раз собирался исправиться и очередной милой фразой потешить Анжелино тщеславие. Но из комнаты выбежал Валя и бросился ко мне на ручки, ни разу при этом не упав. Подхватив заметно потяжелевшего крестника, я расцеловала его в пухлые щеки. Он вцепился в меня обеими ручонками и замер смешно сопя.

– Все, теперь не отпустит, – усмехнулась появившаяся из кухни Люся. – Заставляешь молодца скучать.

– Я исправлюсь. Когда-нибудь.

Люся была моей подругой с самого детства. Родители водили нас в одну и ту же музыкальную школу. Годы спустя мы не потерялись. Напротив, стали друг другу ближе. Ее замужество и последующее материнство этого не изменили. Тем более, ее супруг стал мне столь же дорогим другом, как и она сама.

Лет пять назад им улыбнулась удача. Из бедного художника Евсей превратился в знаменитость. Галереи Европы и Америки бились за честь выставлять его картины, деньги и слава потекли рекой. Люся же умело управляла делами мужа. Пожалуй, не будь ее, поток благополучия иссяк бы в первый год. Она же смогла превратить творчество мужа в успешный бизнес-проект, не ущемляя ни его творческой натуры, ни благосостояния семьи.

Когда Анжеле вздумалось запечатлеть себя в масле, я обратилась к Евсею. Обычно он не работал на заказ, да и срок

был довольно мал. Но на мою просьбу согласился сразу.

Переодев Анжелику в ее наряды, мы с Люсей оставили их трудиться и отправились на кухню пить чай. Валька так и сидел на моих руках, забавно дрыгая пухлыми ножками.

– Когда вы уезжаете? – спустя некоторое время спросила я. Люся опустила глаза.

– Летом. Это пока не точно. Ищем подходящий дом.

Пронизанный ветрами Петербург был родным городом для Люси и Евсея, но получив возможность жить в более мягком климате, они собирались ей воспользоваться. Выбор супругов пал на испанский берег. Они хотели растить сына в дали от шума города, в доме, из окон которого видно море. Евсей также утверждал, что это послужит мощным стимулом его творчеству. Возможно, он прав. В нашем городе серого на все оттенки, но иногда этого слишком мало. Или много.

Люся подняла на меня наполненные слезами глаза. Я тут же схватила ее за руку.

– Не надо. Я буду навещать. Все будет хорошо. Увидишь.

Она резко подскочила и обняла меня и карапуза. Ее горячие слезы упали на мое плечо. Я хотела бы ее утешить, успокоить, но не находила слов. Как и слез. Я давно разучилась плакать и меня вполне это устраивало.

Закончив работу, Анжела переоделась в привычный наряд. Люся накормила нас вкуснейшими варениками и, перекрестив, отпустила домой.

После тепла чужого дома улица показалась особенно холодной. Анжела сморщила курносый носик. Кивнув в сторону моей машины, спросила:

– Долго он тебя возить будет?

– Пока рука не заживет.

– Меня от взгляда этого парня вымораживает, – неожиданно призналась она и спросила. – Ты уверена, что он здесь только из-за аварии?

– Конечно, – удивилась я. – Какие еще могут быть причины?

– Авария – отличный повод приставить к тебе человека. А Влад не из тех людей, кто теряет подобные возможности.

– Ты ведь не хочешь сказать, что он приставил его следить за мной?

– Я хочу сказать, что тебе следует быть осторожнее со своими секретами. Теперь вся твоя жизнь на виду и под полным его контролем.

– Хорошо, что мне нечего скрывать.

– Хорошо, если так, – в тон мне ответила Анжела и поспешила проститься.

После этого разговора параноя во мне расцвела буйным цветом. Я приглядывалась к своему водителю неустанно, но не находила в нем абсолютно ничего примечательного. Мы за день едва ли парой слов обменивались. Впрочем, шпионить за мной это не мешало. Если он, конечно, шпионил.

В поведении Влада также ничегостораживающего не

наблюдалось. Я постепенно успокоилась, и дни потекли привычной чередой. Разве что следить за разговорами в машине я стала тщательнее, а гуляя по улицам (и даже магазинам), то и дело оборачивалась. Весеннее обострение, не иначе.

Но, как известно, где тонко, там и рвется. Не присматривайся я к водителю, вряд ли стала бы свидетельницей скверного разговора. Попросту прошла бы мимо и избежала обидных колких слов. Я всегда предпочитала не замечать чужую скверну, но и давать сдачу меня учили с детства.

Как бы то ни было, в тот вечер Дима привез меня в офис Влада. В прошлой жизни я была неплохим финансистом, поэтому Влад частенько прибегал к моим советам. В мире где никто никому не доверяет, всегда хочется иметь своего в доску человека. По одному ему ведомой причине эту роль он доверил мне. Я же старалась его надежды оправдывать.

Положив передо мной умеренно толстую папку, он сказал: – Прочти и скажи, что думаешь.

Полчаса спустя я прочла и сказала. Настроения это ему не прибавило. Кому же приятно осознавать, что собственные сотрудники замахнулись увести из-под носа несколько десятков миллионов? Впрочем, к пакостной натуре человека Влад давно привык и не слишком удивился. А равных использовать любую ситуацию в свою пользу ему было не сыскать.

Померив шагами кабинет в течение нескольких минут, он остановился, улыбнулся пришедшему на ум решению. Улыб-

нулась и я – ум в мужчинах всегда казался мне чрезвычайно сексуальным.

Одарив меня долгим поцелуем, он с сожалением сказал:

– Я должен встретиться с одним человеком. Прямо сейчас. Наш ужин...

– Пригласишь меня завтра. Не беда.

– Точно?

– Чувствуешь себя виноватым?

– Есть немного.

– Отлично. Я придумаю что с тобой делать.

– Не сомневаюсь.

Потратив еще минут десять на прощанье и едва не растеряв всю одежду, я все же покинула его кабинет. Дима ждал меня на первом этаже в камерке охраны. Хотя, конечно, трудно назвать камеркой просторную комнату с мягкими диванами, огромным телевизором и мини-баром с неисчерпаемым запасом закусок и напитков (без намека на алкоголь).

Поленившись ждать лифт, я спустилась вниз по лестнице. Предпочтя каблукам сапоги на плоской подошве, я не создала достаточного шума и без всякого намеренья подкралась к камерке незамеченной.

– ... телка у Миронова классная, я б с такой не слезал...

Поскольку Миронов – это Влад, кого обсуждали, догадаться было не трудно. Щеки тут же запылали. Я замерла на месте, не зная, что предпочесть: уйти по-английски или войти в камерку и объяснить нахалу что да как.

– Тебе б такая и с высокой колокольни не показала, – хотнул другой. – Цыпочки типа нее без «Бентли» подол не задирают.

– Да, босс на нее столько бабла угрохал – страну в Африке прикупить можно. А она ходит как Белоснежка. Типа чиста и невинна. И любит его совершенно задаром.

– Шлюха она и есть шлюха, – философски заметил еще один. – Можно и подешевле найти.

– Шлюху найти всегда можно. Только свистни, – со знанием дела согласился первый. – Но уж больна эта хороша. Ножки, бюст, глазки – все словно с картинки. Эх...

– Если б я был султан...

Мужики дружно заржали. Гогот стоял на весь этаж. А я продолжала растерянно стоять на месте.

– Димон, – позвал один из них. – Ты то хоть опробовал? Сорвал ягодку из барского сада?

– За такую ягодку и пулю получить можно, – резонно заметил мой водитель.

– Ой, да ладно! Кто узнает? Ты ж не первый у нее.

– И даже не десятый, – хмыкнул кто-то.

– Ну так что, колись. Хороша?

– Хороша Маша, да не наша, – усмехнулся Дима. – Но я бы ее...

Фантазия у водителя оказалась буйной и витиеватой. Но особо разгуляться он не успел. Двери лифта разъехались, и показался Владимир Ивлев – второй и последний замести-

тель Влада. Увидев меня, он радостно улыбнулся:

– Ева! Как я рад тебя видеть. Ты здесь давно?

В который раз за вечер я пожелала себе провалиться сквозь землю. Но вместо этого нацепила на лицо улыбку и обернулась:

– Вова, и я очень рада. Навещала Влада, но времени у него нет, еду восвояси. Как ты?

В коморке охранников воцарилась тишина. Загляни я туда, не удивилась бы, увидев, что уши охранников едва ли не в трубочку вытянулись, а лица замерли в напряженном ожидании. Слышала или нет? Пожалуется или нет?

Ивлев вызвался проводить меня до машины. Опередив нас на несколько шагов, фантазер Дима поспешил выйти из каморки. Поцеловав мне ручку, Владимир отбыл домой, к телевизору (если верить Анжеле, он был заядлым холостяком и всякой женщине предпочитал своих котов).

По дороге домой Дима то и дело поглядывал на меня в зеркало. Что он пытался прочесть на моем лице? Понятия не имею. Но в том, что с парнем пора прощаться, я не сомневалась.

Оставшись одна, я поднялась в маленькую гостиную на втором этаже – мой будуар. В этой комнате я проводила большую часть времени. Я полюбила ее за вид из окна и упоительный запах жасмина, что цвел внизу.

Достав из футляра скрипку, с нежностью провела по струнам. Она единственная знала все мои мысли, тайны, трево-

ги. И едва первые звуки заполнили дом, мне стало легче дышать.

Я не любила азартные игры. В них не было ни смысла, ни кайфа. Для меня. Анжела же обожала рулетку. Пожалуй, стань казино вновь легальными, она игнорировала бы их, ища приключений в другой стороне. Но куда они были вне закона, игра и опасность будоражила её кровь. Мне же было скучно. Влад срочно уехал в Москву. Вновь вернулась бессонница.

Посему идея Анжелы пришлась ко двору. Я надела вечернее платье. Туфли на высоких каблуках. Красиво уложила волосы. И как последний штрих, улыбка – она никогда не бывает лишней. Искренность же атрибут необязательный.

И вот мы уже поднимаемся по черной лестнице бывшего доходного дома. Во времена империи по этим ступенькам сновала прислуга. Теперь же богатые разгильдяи, жаждущие проститься с состоянием.

Казино располагалось в отделанной с шиком пятикомнатной квартире. Соседи давно понимали, что за ее дверью что-то не ладно. Но казино зарабатывало достаточно денег, чтобы у полиции не возникало лишних вопросов. Или, во всяком случае, чтобы они с этими самыми вопросами часто не являлись.

– Вот будет смеху, если нас под белы рученьки, да в обезьянник?

– Не каркай, – шикнула я.

Красавчик с лицом подонка открыл нам дверь. Итальянский костюм сидел на нем великолепно, рубашка отливала белизной. С Анжелой они были знакомы, оттого радовался он ей как сестре родной. Сестре, а не любовнице, потому что раньше она приходила с Русиком. А проблем он себе не искал.

Два часа спустя я похоронила попытку провести вечер с интересом. Воодушевление Анжелы (граничащее с истерикой) мне было не понятно. От алкоголя и табачного дыма разболелась голова. С третьей попытки мне удалось донести до подруги, что сие славное заведение я покидаю.

– Как так? – возмутилась она. – Ты же выиграла!

– Ага, потом проиграла, снова выиграла, опять проиграла.

Одно и то же. Скука.

Анжела похлопала пушистыми ресницами, не веря своим глазам. Но, решив относиться ко мне как к блаженной, сказала мирно:

– Сама доберешься?

– Я с Димой. Отвезет.

– Точно. Вечно я про него забываю.

– А ты? Хочешь, пришлю его обратно?

– Вот еще, – фыркнула она. – Я одна отсюда не уйду. Лишние свидетели мне без надобности. У Русика сердце. Надо беречь, а то кредитка быстро оскудеет.

Усмехнувшись, я чмокнула ее в макушку и пошла к выхо-

ду. Она тут же ухватила меня за запястье:

– У тебя же выигрыш остался?

Я достала из сумочки три пухлые пачки евро и протянула ей. Она права, фартовые деньги счастья не приносят.

Дима явно не ждал моего столь скорого возвращения. Смотрел фильм на планшете и распивал кофе из стаканчика. Я плюхнулась на сиденье, успев заметить, что водитель предпочитает фильмы про индейцев. Забавный выбор.

– Ты ведь не хочешь? – кивнув на стаканчик, спросила я.

– Забирай, – усмехнулся он.

Кофе оставалось на два глотка. Но мне все же стало чуточку легче. Головная боль потихоньку отступала.

– Куда теперь? – не надеясь на скорый сон, спросил водитель.

– Домой, – равнодушно ответила я. Но вскоре передумала.

Миновав КАД, мы помчались по шоссе. За следующим поворотом дорога в Осиново. Она пролегает через небольшой поселок городского типа. Пожалуй, не проложи здесь дорогу, он бы давно захирел, а так существует кое-как. Земля из-за близости к шоссе и отдаленности от озер и залива интереса у застройщиков не вызывала. К тому же, почва была болотистой. Посему никто реновировать поселок не спешил, вкладывать деньги в его развитие или хотя бы поддержание нормального состояния тоже. Дыра, одним словом. Таких по всей России как колдобин на дорогах.

Идея родилась сама собой. Словно ответ на давно постав-

ленный вопрос. Не только Влад не любил неоконченных дел.

– Километров через пять будет бар. «Косуха», кажется. Остановись, пожалуйста.

О каком баре речь, Дима, конечно, знал. В подобную забегаловку нормальный человек вряд ли сунется, поэтому его удивление было абсолютно понятно. Однако он быстро нашел оправдание моему сумасбродству:

– Тебе плохо? Может, ускориться и к дому?

– Мне отлично. Ускоряться не будем.

Дима еще думал, как поступить и не наругает ли Влад, а бар уже показался из-за угла. Отступить было поздно. Звонить Владу за инструкциями посреди ночи чревато.

– Не дрейфь, Рыжий Ирокез. Здесь должно быть весело. И люди, наверняка, милые.

Что думает Дима о местном населении и формате заведения, я слушать не стала – по лицу и так было понятно. Выпорхнула из салона, аки ласточка из гнезда, и помчалась навстречу приключениям. С выражением вселенской скорби на лице, Дима догнал меня в пару шагов.

Путь к бару преграждала лужа, больше похожая на озеро. Обойти ее – дело не из простых, ибо куда не посмотри, ее сестры-близняшки повсюду. Но это днем. А ночью солидный минус, и она вся превратилась в лед. На гладкой поверхности забавно отражалась вывеска с названием бара. В ней не хватало пары букв, но огоньки смотрелись почти по-новогоднему.

Успешно проскользив на высоких каблуках до середины озерца, я все же поскользнулась. Дима тут же меня подхватил и помог вернуть потерянное равновесие. Я одарила его благодарной улыбкой, которую он совершенно не оценил. Как был хмурым, так и остался. Хам.

Со второй попытки открыв покосившуюся дверь (Дима позволял мне быть феминисткой и мужскую силу понапрасну не проявлял), я вошла в бар. Признаюсь, столь скверные заведения мне видеть не приходилось. Интерьер без всякого кастинга прошел бы в экранизацию «На дне» Горького. Если бы кто-нибудь решил ее снимать, конечно.

В сей поздний час посетителей в баре осталось всего шестеро. Дюжие и хилые мужики (гопники, как они есть) оккупировали правый угол, сдвинув два столика. За стойкой скучал слегка косоглазый бармен.

Сказать, что наше появление вызвало интерес – пойти против правды. Скорее, удивление, граничащее с отупением. Хотя, вполне возможно, что последние – нормальное состояние для завсегдатаев «Косухи».

С видом монаршей особы я неспешно оглядела присутствующих. Царственно улыбнулась бармену (что усугубило его косоглазие). Легко скинув шубку с обнаженных плеч, я бросила ее на руки Димы. Водитель поймал ее машинально. А избавиться не решился – как никак вещь дорогая, и за порчу могут вычесть из зарплаты.

– Простите, -ласково спросила я у бармена. – Где здесь

клозет?

– Чего? – свел он брови домиком.

– Дамская комната, – охотно пояснила я, но лишь усугубила ситуацию. Вздохнув, выбрала синоним попроще. – Туалет где?

– А-а-а, – чему-то обрадовался он. – Дык, вон там.

Ткнув кривым пальцем с обгрызенными ногтями в стену напротив, он указал направление.

– Вы очень любезны, благодарю.

Покачивая бедрами в такт звону каблучков, я прошествовала к нужному месту и скрылась за дверью. С трудом поборов брезгливость, заперлась в заросшей грязью комнатке. Включив воду, я достала из сумочки флакончик с духами. Разбрызгав неприлично дорогую жидкость по всем сторонам, я довольно улыбнулась. Так гораздо лучше.

Придерживаясь общепринятого мнения о том, что в полиции работают одни лодыри, я набрала известный каждому номер и приготовилась ждать. Однако ответили мне сразу, что приятно.

– Я хотела бы сообщить о драке. Бар «Косуха». Он находится...

Описав со всей тщательностью расположение бара дежурному, я была готова проститься. Но его интонация навела меня на мысль, что ждать стражей порядка придется до утра. Пришлось поторопить.

– Очень вас жду. Просто очень. У них ножи, и, кажется,

стреляют! Ой, что же делается...

Бросив трубку, я засекала время. Пять минут показались вечностью. Когда минутная стрелка оказалась на трех, я вернулась в зал. Дима с хмурым лицом сидел за стойкой. В его глазах промелькнула надежда, но я тут же свела ее на нет. Взобралась на соседнюю табуретку и попросила бармена:

– Воды, пожалуйста. В бутылке. Открою сама.

Парень с заметным трудом воспринимал каждое мое слово. Однако тот факт, что из его рук я даже воду не приму был замечен сразу. Глазки стали злыми. И сальными.

Последнее относилось и к компашке в углу. Взгляды мужчин были прикованы к моим коленкам. Без ложной скромности скажу – было чем полюбоваться. Впрочем, в любой другой ситуации я бы красоту кому-попало не демонстрировала.

– Не пора ли тебе домой? – сухо спросил Дима. Опасность он чувствовал кожей.

– Если хочешь, поезжай. Я остаюсь.

Мы оба прекрасно понимали, что деться ему некуда. Хочешь-не хочешь, а остаться придется.

Бармен с грохотом поставил передо мной бутылку «Ессентуки». Отличный выбор – полезно для желудка. Рядом оказалась изогнутая в трех местах и слегка заржавевшая открывалка.

Отведать дивного напитка я не успела. Подле меня нарисовался один из посетителей. Разило от него хуже, чем от

местного клозета. Но парень искреннее и непоколебимо верил в собственную неотразимость.

Похабно улыбнувшись, мой новый знакомец проблеял:

– Классные ножки. Титьки тоже ничего.

– Спасибо, – вежливо ответила я. – Фигурой я в маму.

– Да? – ухмыльнулся он и расплылся в беззубой улыбке. –

Тогда я и ее бы трахнул.

Это было невежливо. Не убирая улыбки с губ, я неспешно открыла бутылку воды и с присущей мне тщательностью вылила ему на макушку.

Все это время он стоял не шелохнувшись. Не делал ни одной попытки мне помешать. Почему? Понятия не имею. Его дружки все также сидели за столом. Пооткрывали рты от удивления, да и только. Когда же последняя капля упала на сальную плешь, парня прорвало:

– Ах, ты...

Договорить он не успел. Коснуться меня тоже – лишь замахнулся, а Дима уже отправил его в другой конец комнаты. Одним ударом, кстати. Это впечатляло – с виду ни в жизнь не скажешь, что в нем столько силы. Интересно.

Тут и дружки ожили. Матерясь и опережая друг друга, бросились на помощь страдальцу. Завязалась драка. Царственно восседая на высоком табурете, я наблюдала за происходящим. Дима впечатлял все больше, хоть и было ему тяжеловато. Как-никак шестеро против одного.

В какой-то момент не удержался и бармен. Бросился на

помощь знакомцам. Если они не ладили раньше, то перед лицом общего врага слились в едином порыве.

Схватив крайний в ряду табурет, он ринулся в общую кучу. Еще пара секунд и он опустил бы его на спину Димы. Удержаться на ногах у него бы вряд ли получилось. Держать оборону лежа на полу – дело рискованное.

В общем, я была против подобного. К тому же, бить со спины – против чести. Я в книжках читала.

Схватив опустевшую бутылку, я огрела ей бармена. Этот слабак сразу же отключился и рухнул мне под ноги. Ловко прыгнув на пол, я подхватила упавшую на пол шубку и поспешила прочь из бара.

Однако Дима за мной не последовал. Либо не увидел моего бегства, либо пока не мог пробиться к двери.

Ни разу не поскользнувшись, я успешно добралась до машины. Тот факт, что ее не угнали и даже не изуродовали, порадовал. Плюхнулась на водительское сиденье, завела мотор и принялась сигналить до тех пор, пока Дима не выбежал на улицу.

Едва его рыжая макушка высунулась на мороз, как из-за угла показалась полицейская машина. Перегнувшись через сиденье, я открыла пассажирскую дверь и крикнула:

– Садись!

Я плавно тронулась с места и, разгоняясь, помчалась по шоссе. В зеркале заднего вида еще долго мелькали полицейские огоньки. Но все это уже не имело значения.

Дима рукой вытирал разбитое лицо. Я поморщилась. Бросила ему на колени свою сумку и велела:

– Где-то там есть бумажные платки. Поищи. Не желаю тратиться на химчистку.

Искомое он нашел сразу же. Это особенно впечатляло. Лично мне требовалось куда больше времени, чтобы хоть что-то найти в просторах своих сумок. В независимости от их размера.

Перестав брызгать кровью, Дима сказал с обидой:

– Ты сделала это специально.

– Разумеется.

Подобного ответа он не ожидал. Видимо, мне полагалась врать и все отрицать.

– Зачем?

– Подумай.

Процесс не занял много времени. Почти сразу он сказал:

– Ты все слышала. В офисе Влада. Мы с мужиками обсуждали тебя. Я...

– Ты чрезвычайно догадливый парень.

Он насупился и отвернулся с обидой. Хотя обижаться было в пору мне. Мужская логика. Что взять с приматов?

– Чего же Владу не стукнула? Зачем так сложно?

Таиться я смысла не видела. Ответила, как есть:

– У вас с ним разные весовые категории. Ты бы так легко не отделался.

– Он бы меня в лесу закопал, – уверенно кивнул Дима. Я

поморщилась. Не люблю мелодраматизм.

– Не преувеличивай. Он хороший человек.

– Ага, – хмыкнул Дима. – С тобой. И ни с кем больше.

– Лично мне этого вполне достаточно.

Он вновь отвернулся к окну. Но молчать уже не получалось.

– То есть, ты типа решила, что так честнее?

– Типа да.

– Семь против одного.

– Шесть. Бармен не участвовал. Посему не считается.

– Не многим лучше.

– Брось, – фыркнула я. Нашел дуру. – Где они, а где ты.

Заплывшие жиром и оступевшие от алкоголя придурки против тебя – безнадежно. Ты профессионал. А они обычные раздолбаи. Даже если очень разозлятся – ни единого шанса на победу.

– Ага, – приложив чистый платок к кровоточащей брови, поморщился он. – Не поэтому ли ты полицию вызвала?

– Их могло быть больше. К тому же, я не была уверена, что они не вооружены, – пожала плечами я. – Следовало исключить подобные риски.

– Спасибо тебе, – взвился он, а я ласково ответила:

– Всегда к твоим услугам.

– Могла бы и сама мне по морде съездить, если уж так отыграться хотелось.

– Ну ты даешь, – обиделась я. – Совсем не слушаешь.

– Слушаю. Разные весовые категории.

– Вот-вот.

Диме не терпелось наговорить мне гадостей. Но он с собой боролся. Молодец. Ценю в людях выдержку. Отвернулся к окну, да так и молчал до самого дома.

Я въехала во двор и припарковалась рядом с его джипом. «БМВ» принадлежал компании Влада, Дима ездил на нем, когда не возил меня. Это укрепляло меня во мнении, что он выполняет и другие поручения Миронова. Но в чем они заключаются, я предпочитала не знать.

– Ты их украла.

– Ключи? Конечно. Как бы мы оттуда выбирались? На трамвае?

В мутных глазах водителя показались смешинки. Подобного я за ним не замечала, оттого насторожилась.

Но злых намерений в мой адрес у него не оказалось. Усмехнувшись, водитель сказал:

– А ты забавная.

– Ага, просто глаз не отвести.

– Это тоже.

– Не трать слова – о твоих предпочтениях я уже наслышана. Ни к чему повторяться.

Он поморщился. Я посмотрела на него и спросила строго:

– Мы друг друга поняли?

– Да.

– Вот и славненько. Приезжай завтра к двум.

– Хорошо, – буркнул он и тут же позвал. – Ева!

Я машинально обернулась. Как и любой смертный, услышавший свое имя.

– Поздравляю, – выжал из себя улыбку Дима.

Я посмотрела недоуменно, а он кивнул на мою руку:

– С выздоровлением.

Пожелай я описать его одним словом, выбрала бы «скряга». Тучный бесконечно потеющий очкарик в дорогом костюме. Зануда, каких свет не видывал. Но в камнях знал толк. И по тому, как сильно блестели его жадные глазки, вполне можно было определить, действительно ли чего-то стоит вещь, от которой ты хочешь избавиться.

Моя стоила дорогого. Я и сама это знала.

– Не томи, Сеня, – прикурив тонкую сигарету, попросила Анжела. – У нас на сегодня еще уйма дел. Ни один ты на повестке.

– Вечно ты спешишь, – поморщился он. Но тут же залебезил. – За что я тебя всегда прощаю.

– Иначе и не стоит, – хмыкнула она, а скупщик от комментариев благоразумно воздержался.

Заботливо убрав в бархатный мешочек лежащие перед ним серьги с бриллиантами, он уже нехотя достал из потертого портфеля деньги. Сложил их аккуратной стопкой и трагично выдохнул:

– Здесь все.

Без тени его заботливости я бросила деньги в пакет с логотипом парфюмерного магазина и небрежно швырнула его в сумку. Бедный Сеня аж в лице изменился. От глаз внимательной Анжелы это не скрылось, она сказала с издевкой:

– Дыши ровнее, Сеня. Не все так над баксами трясутся как ты.

– Не все последнее отдают, – засопел он ворчливо.

Анжела расхохоталась. О миллионах, зашитых в матрасы скупщика, ходили легенды. Не удивлюсь, если часть шуток была правдива.

Закрыв за ним дверь, Анжела брезгливо поморщилась:

– Скупердяй. Терпеть ненавижу таких мужиков. Ни копейки собственной женщине не даст. По сути, не мужик даже.

Мне бы следовало согласиться, а я возьми да брякни:

– Всегда предпочитала кошельку мозга.

– Не уж то? – усмехнулась Анжела. – А мне вот думается, что мужик с мозгами просто по определению не может быть бедным.

Тема была опасной. И что запахло бурей, удивляться не приходилось. Хватаясь за соломинку, я попыталась отшутиться и закончить скверный разговор. За что и поплатилась.

– Будем считать, умные и небогатые пали жертвой собственной скромности. Оттого ум зашкаливает, а кошелек худеет.

– Нет, не будем, – отрезала она. – Возьмем, например, те-

бя.

– Меня? – округлила я глаза. – С какой стати? Я не мужик, не богата и не настолько умна, чтобы об этом можно было говорить вслух.

– С первым соглашусь, а остальное... не заливай, – фыркнула Анжела. – Но я не об этом! Взять хотя бы твоего бывшего...

– Не стоит. Пусть остается там, где был.

– Смешно. Но не очень.

– А я так старалась.

– Он, наверное, умный парень, – не унималась Анжела. – Но звезд с неба не хватал. Диплом юриста получил, в адвокатской конторе успешно пристроился. А впрочем, могло ли быть иначе, если контора папина? Однако о заоблачных капиталах ему и мечтать не приходилось. Да и не придется. Ум не тот. Размахом тоже не вышел. Вот и не светит бедолаге большое состояние.

– Практика у него успешная, – пожала плечами я. – Бедность не грозит. Так что, идиотом тоже не назвать.

– Да? А как нужно называть мужчину, который умудрился познакомить собственную жену с красавцем-миллионером, а потом удивлялся, что она ушла и не обернулась?

– Рогоносцем?

– Хороший вариант. Но для другой темы. Я ведь не об этом.

– Если хочешь обсудить женщину, которая оказалась в по-

стели красавца-миллионера прежде, чем получила развод – то я пас. Как ее называть, и так догадываюсь.

– Умница! И никак иначе! Отбросила навязанные обществом стереотипы и отправилась навстречу счастливому будущему.

– Счастливому или обеспеченному?

– Это одно и то же. Но я опять не о том. Не сбивай меня с мысли.

– А может, ну ее, мысль эту? И кофейку?

Не тут-то было. Нацелившись на долгий разговор, Анжела устроилась на обитой бархатом кушетке (вполне возможно, что ее кабинет единственный во всем мире, где есть кушетка, но нет ни письменного стола, ни даже шариковой ручки). Но тут в дверь постучали. Администратор ресторана, дама средних лет с на редкость стервозным видом, просунула нос в дверь и возвестила:

– Анжелочка, привезли вашу прелесть.

И тут же скрылась с глаз. Я передразнила:

– Анжелочка. Ути-пути.

– Брось, надо же кому-то дом охранять. У меня есть она. Цербер, а не баба.

Опасаясь, что Анжела вернется к набившему оскомину разговору, я поспешила сосредоточиться на другой, не менее животрепещущей теме:

– Главное, чтобы клиенты от страха не разбежались.

– И то верно, – согласилась Анжела. – Посмотрим. А к

вопросу о Церберах, ты со своим что собираешься делать? Поговорила с Владом?

– Он в последние дни злой как черт – не рискую на рожон лезть.

– Чем же яхонтовый наш бриллиантовый не доволен? Не угодил кто али как?

– Не знаю, – пожала плечами я. – Он не говорит, я не спрашиваю.

– Зря. Если в бизнесе проблемы, надо бы знать заранее. А ну как на фаст-фуд придется переходить. К подобному лучше быть готовой и найти запасной аэродром. Лучше два. Нам, девушкам, иначе нельзя.

– Учту.

Анжела легко поднялась. Обхватила мою голову ладонями и звонко чмокнула в макушку. Наставительно изрекла:

– Учись, пока я жива. А с водителем пора кончать. Погрел уши, и будет.

Я и не собиралась медлить. Но в последние дни Влад действительно был сам не свой и докучать ему еще и этим не хотелось. Однако засланный казачок мне действительно без надобности. Здесь Анжела права.

– Учусь. Сил не покладая!

– То-то же! – погрозила пальцем она и по-ребячьи улыбнулась. – Пойдем! Сил уж нет терпеть!

К моменту нашего появления в зале портрет уже принялись вешать. Анжела с замиранием сердца следила за каж-

дым движением рабочих. Их это, несомненно, нервировало. Но с задачей они все же справились. Анжела выдохнула с облегчением и тут же замерла с блаженным видом. На ее глазах появились слезы умиления.

Что ж, Евсей талантлив был не на словах – на деле. Картина, висящая передо мной, – еще одно подтверждение сему.

Пошатавшись в ресторане еще с полчаса, я отправилась домой. Всю дорогу я обдумывала предстоящий разговор. Но состояться ему было не суждено. Влад изменил наши планы. Вместо ужина тет-а-тет дома он пригласил меня в ресторан. Придется терпеть общество его партнеров и улыбаться. О водителе же заговорить не получится.

На подобные встречи он брал меня частенько. Похвастаться. Но не только. Большинство мужчин видели во мне красивый фантик, женщин – дорогую шлюшку, занимающую место его законной супруги. Как правило, к концу вечера им приходилось менять свое мнение. Но не всегда. Иногда Влад предпочитал, чтобы я лишь слушала их разговоры, а свои мысли и рекомендации высказывала лишь ему.

Он любит повторять, что ценит мой ум. Но считает ли равной себе? Едва ли.

Я надела платье в пол из шелка цвета ночного неба. Высокие шпильки. Обнаженные плечи. Уложила волосы в изящный пучок. Небольшая завитушка игриво щекотала шею.

Я смотрела на женщину в зеркале, отстраненно оценивая ее внешний вид, фигуру, наряд. Казалось, речь не обо мне.

Там, в зазеркалье, была другая Ева. Чужая. Я боялась смотреть ей в глаза. Отчаянно захотелось разбить зеркало. Чтобы оно разлетелось на тысячи осколков. И стерло ее навсегда.

– Ева!

Надела улыбку словно наряд. И пошла на его голос. При виде меня Влад замер. Улыбнулся счастливо. Искренне.

Попытался поцеловать, но я вовремя увернулась.

– Макияж!

Усмехнувшись, он оставил поцелуй на шее, плече. Его губы дарили тепло, нежность. Я потянула на себя его галстук, но он поймал мою руку, сжал в своей ладони. Сказал, смеясь:

– Ты коварная женщина, Ева. Но сегодня этот трюк не пройдет. Нам действительно придется скучать на этом ужине. Это важно.

– Жаль, – признав поражение, вздохнула я.

Он потянул меня за собой. Я вновь оказалась перед огромным зеркалом в своей гардеробной. Но той другой Евы не было больше. Она исчезает, если появляется кто-то еще.

Обняв меня со спины, Влад вновь поцеловал обнаженное плечо. Хитро прищурился и достал из кармана пиджака роскошное ожерелье. С гордостью и трепетом он надел его на меня. Застегнул замочек. Задержал в пальцах кудряшку.

– Нравится?

– Очень.

Я обернулась к нему. Но больше увлечь не пыталась. Провела ладонью по колючей щеке. Иногда ожидание в радость.

Предвкушение.

Вопреки опасениям, ужин прошел сносно и быстро. Последнее особенно приятно. Партнеры Влада спешили на самолет в Москву и с разговорами не затягивали. Спасибо им за это.

После того, как они отбыли восвояси, мы посидели еще немного. Влад вертел мою руку в своей, а я, не выдержав, спросила:

– У тебя все хорошо?

Он хотел отшутиться, но передумал. Сказал туманно:

– Пока нет. Но скоро будет. Тебе не о чем волноваться. Я разберусь.

– В этом я несколько не сомневаюсь. И все же мне хотелось бы, чтобы тебе действительно не о чем было беспокоиться.

– Сейчас все мои мысли о тебе. Остальное неважно.

– Раз так, нам опасно оставаться на виду.

Влад рассмеялся и подозвал официанта. Счет был оплачен, машины поданы. Но у гардероба вновь зазвонил его мобильный. Пробормотав короткое: «Извини!», он сосредоточился на разговоре. Номерки от верхней одежды остались у него, но ждать мне не хотелось.

Я вышла на улицу, машины ждали у подъезда к ресторану. Шаг, другой – и я в салоне.

Мороз обжог кожу. Я вздрогнула. И тут же улыбнулась. Опасно-приятная свежесть.

– Здравствуй, Ева.

Вздрогнув от неожиданности, я обернулась. Справа от меня стояли отец и сын Тарасовы. Вот так встреча! Все Ангела! Лихо не то, что будить нельзя, но и вспоминать.

– Добрый вечер, Павел Викторович.

После появления закона о запрете курения в ресторанах и кафе желающим подымить приходилось делать это на улице. В любую погоду. Тарасовы холодов не боялись и коптили небо и легкие в свое удовольствие.

Я чувствовала взгляды мужчин каждой клеточкой своего тела. Я могла бы вернуться к Владу или сесть в машину. Но не сдвинулась с места.

– Прекрасно выглядишь, – промолвил Тарасов-старший. Его сын хранил молчание. Сигарета медленно тлела в его руке. – Как поживает твой отец?

– У папы все хорошо. Спасибо.

Тарасов поморщился. Все, что говорилось сейчас, даже обычные вежливые фразы, резало слух. Против воли все обретало потаенный опасный смысл.

Влад накинул шубку на мои плечи. Я вздрогнула – не заметила, как он приблизился. Придерживая мягкий мех шиншиллы на моей груди, он сказал, улыбаясь:

– Не стой на морозе.

Мне стало легче дышать. Я чувствовала его тепло, дыхание. Он свой. Он на моей стороне.

Влад держал меня по-хозяйски, властно и мужественно.

И мне это нравилось. «Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана...».

Откуда эти строки? Лермонтов... Выучить наизусть и рассказать перед классом. Садись. Четыре. Перепутала слова. Бред, что за мысли в голове?

– Рад видеть, Павел, – поприветствовал Влад. Но руки не протянул, ведь тогда бы мне вновь стало холодно. – Во вторник Ивлев пришлет документы, о которых мы говорили. Посмотри. Нужно твое заключение.

Павел Викторович кивнул, соглашаясь. Подчинясь. Антон так и стоял молча. Адвокатская контора Тарасовых многие годы работала на Влада и его сотоварищей. И он был не из тех клиентов, которых позволительно терять. Небезопасно уж точно.

Зная свою силу, Влад направился к машине. Он бережно меня поддерживал, словно я была хрустально-хрупкой и даже воздух мог мне навредить.

Бросил Диме:

– На сегодня свободен. Будешь нужен, Ева позвонит.

Мы сели в его машину. Водитель тронулся с места. Машина сопровождения следом. Дима скрылся за ближайшим поворотом. Я положила голову на плечо Влада и прикрыла глаза. Он спросил тревожно:

– Все хорошо?

– Будет. Если поцелуешь.

И он целовал. Нежно, страстно, жадно. До самого утра. И

я отвечала ему, отдаваясь без остатка. Нам обоим казалось, что завтрашнего дня не существует. Что каждое мгновение – подарок судьбы. И мы наслаждались им, испивая до самого дна.

Проснувшись ближе к обеду, я сладко потянулась. За окном падал снег. На календаре апрель. Весна выдалась дивной, но холодной. Скорее бы уже лето.

Измученные зимой прохожие улыбались солнышку. Но тут же прятали носы в теплые шарфы. За окном было минус семь. Дима напялил солнцезащитные очки, чтобы лучше видеть дорогу. Он выглядел несуразно и чем-то походил на пилота из американских фильмов.

Я отвернулась к окну. Машина остановилась перед светофором. Незнакомый парень, ожидая зеленого, передернул плечами, закурил. Был ли он хоть чем-то похож на *него*? Не знаю. Но непрошенное воспоминание уже воскресло в памяти.

Тем летним днем была отличная погода. Антон, Тоша, ждал на улице, нервно вышагивая по тротуару. Заметив меня, замер нерешительно. Вглядываясь в мое лицо, пытался прочесть еще не сказанное.

Я легко сбежала по ступенькам. Шелковое платье красиво развивалось от бега. Он подхватил меня на руки и кружил, кружил, кружил, пока я не попросила, задыхаясь:

– Пусти, глупенький...

И он принялся целовать мое лицо, руки. А я смеялась и плакала от счастья.

– Все нормально?

Голос Димы вырвал меня из плена воспоминаний. Много в своей жизни я пыталась забыть, выкорчевать с корнем, невзирая на боль и последствия. Но иногда память воскрешала давно минувшие события. Они появлялись, словно сорняки на безупречной лужайке. И я вновь от них избавлялась. Точно зная, что рано или поздно что-то покажется вновь.

Так и сегодня. Уже давно не было той Евы. Она умерла и похоронена. И не было того Тоши. Впрочем, я даже не уверена, что он существовал когда-нибудь в действительности. Возможно, наивная доверчивая Ева придумала его.

– Все просто распрекрасно, Любопытный Глаз, – заверила я. – По пути заедем в супермаркет. Тот, что на шоссе перед поворотом.

«Черт! Нужно было вызвать такси, а не ждать этого олуха!» – словно юла, я крутилась на крыльце собственного дома и ждала появления водителя. В гараже стоял мой «Бентли», но ключи каким-то чудесным образом исчезли. К бабке не ходи – без Димы не обошлось. Все! Достал! Разберусь с ним, как только Влад вернется из командировки.

Тишина стояла невиданная. Что и не мудрено, раз на часах три ночи, а завтра вторник. Зато шум подъезжающей

машины я уловила издалека. Обрадовавшись, помчалась на встречу, на ходу позабыв недавнюю злость.

Выскочив из калитки, я едва не угодила под колеса. Дима посмотрел недоуменно. Я резво плюхнулась на сиденье и велела:

– Поехали уже!

– А...

– Некогда тачки менять! Не стой же ты!

Дима послушно развернулся и поехал к городу. Куда мы едем он знал и без того, посему адрес повторять не пришлось. Я набрала мобильный Анжелы и сообщила ей, что скоро буду.

– Что у нее стряслось? – хмуро спросил Дима.

Его щека еще хранила след подушки, что я, признаюсь, отметила с некоторым ехидством. Ни одной мне страдать.

– Это мы скоро узнаем. Она особо не распространялась.

– Влад не оценит, если ты вляпаешься в историю.

– Влад – не твоя забота. И никуда я не вляпаюсь.

– С такой подружкой? – усмехнулся он. – На счет раз.

– Она мне друг. И точка.

Дима неопределенно пожал плечами. Поступай, мол, как знаешь. Так и сделаю. Его мнение мне точно без надобности.

К ее дому мы прибыли за рекордно короткое время – пустые ночные улицы и скорость за двести тому поспособствовали. Припарковавшись у парадной, я набрала ее номер. Меня вдруг охватила несвойственная робость.

– Анжела...

– Приехала?! Поднимайся!

Я поспешила к подъезду. Анжела жила в новом доме, квартиру в котором ей преподнес предыдущий воздыхатель. Высотка в двадцать три этажа соседствовала еще с пятью такими же. Здесь жило множество людей и всем им не было дела друг до друга. Сегодня это играло на руку.

– А ты куда?

– Ты ведь не думаешь, что я отпущу тебя одну?

– Еще как думаю. В гостях у подруги мне ровным счетом ничего не грозит.

– Ага, именно поэтому мы мчимся к ней, как ошпаренные, посреди ночи.

Возразить здесь было нечего. К тому же, признаюсь, было страшновато. А кулаками Дима махал умело (мне ли не знать), могло и пригодиться. Вздохнув, я нажала кнопку домофона. Дверь открылась сразу же.

Я поспешила к лифту. Дима особо не торопился. И только я собралась нашипеть на него за это, как поняла, что он высматривает, где установлены камеры видеонаблюдения. Отчего-то это напугало. Во что ввязалась Анжелика?!

Поднявшись на девятнадцатый этаж, я помчалась по длинному коридору к двери в ее квартиру. Она была приоткрыта, но хозяйки не было видно. Удивляться этому не следовало, раз квартира была в двести с лишним квадратов. И все же сердце сжалось в тревоге.

Дима легонько оттеснил меня у порога и вошел первым. Я перепугалась так, что даже не подумала возмутиться. Собралась позвать подругу, но водитель приложил палец к губам, давая сигнал заткнуться. Я и заткнулась.

Он бесшумно, словно призрак, пошел по коридору. Я так и стояла на коврикe у входа. Заглянул на кухню, в одну из комнат. И остановился у входа в гостиную.

– А, это ты? – услышала я знакомый голос, и тут же Анжела громко гаркнула. – Ева, не бойсь! Топай сюда.

Я уверенно поспешила на зов. Однако стоило заглянуть в гостиную, как уверенность растаяла без следа. Тихонечко ойкнув, я стала оседать на пол. Дима тут же меня подхватил и вознамерился усадить в кресло. Я вцепилась в его руку и возмущенно фыркнула:

– Ни за что!

Он понимающе хмыкнул и попыток переместить меня ближе к трупy не делал. Я же пришла в себя и накинулась на Анжелу.

– Какого черта здесь происходит? И почему у тебя труп в гостиной! К тому же связанный...

На дубовом паркете действительно лежал дюжий парень. Его короткостриженная голова была в крови, словно торт в глазури. То есть покрыта ровным густым слоем без малейшего пропущенного пятнышка. Он лежал лицом вниз. Абсолютно голый. Если не считать золотой цепи на шее. При этом руки его были связаны на спине кушаком от халата Анжелы.

– Во-первых, – почесала она нос. – Он пока не труп.

– А во-вторых? – подал голос Дима.

– Было бы неплохо убрать его из моего дома, пока не очухался. Чую, дядя будет очень сердит. Я таких не жалую.

– По голове его ты огрела?

– Нет, – презрительно фыркнула она. – Сам на бутылку упал.

Только тут я стала замечать детали интерьера и облика подруги. На журнальном столике стояла ваза с фруктами, горели свечи. В бокалах оставалось шампанское. Бутылка из-под него была разбита вдребезги. Осколки разлетелись по комнате. Видимо, у ее гостя голова была крепкой, раз такое с посуды сотворил.

Платье Анжелы было смято. Правая бретелька оторвана. Чулки в знатных дырах. На плече алели пятна – свидетельства чужой цепкой хватки. Завтра непременно появятся синяки.

– Анжела, – испуганно позвала я. – Что он... сделал...?

– Ничего, – усмехнулся Дима. – Дама пригласила кавалера в гости. Но он ей разонравился, за что и получил бутылкой по башке. Так было?

– Ну, так, – нехотя признала она.

То, что она не хранила верность Русику, удивления не вызвало. Я удивилась бы куда больше узнать обратное. Анжела любила веселье и интригу, а бесконечные параллельные романы их обеспечивали. Вопрос в другом, что теперь делать

с бегемотом, что распластался на ее полу. Ведь он очухается и устроит бойню. А женская интуиция подсказывала, что именно так оно и будет.

Я вопросительно посмотрела на Диму. Из присутствующих здесь только у него мог быть опыт по усмирению буйных бандитов. То, что парень бандит, я почему-то не сомневалась. Ботаникам и библиотекарям в этой квартире бывать не доводилось, да и не доведется.

Просить водителя о помощи не пришлось. Он шагнул к гостю и присел на корточки. Проверил пульс. Мы замерли в испуге. Но заметив довольную ухмылку на его лице, выдохнули с облегчением. Дима протянул мне ключи и велел:

–Пойдешь впереди. Будешь открывать двери.

Чувствуя себя Робинотом, помощником Бэтмена, я кивнула, демонстрируя готовность сражаться за правое дело.

В очередной раз демонстрируя недюжую силу, он легко поднял парня с пола. По квартире разнесся жалобный стон. Парень дернул головой и даже приоткрыл глаза. За что получил пару ударов от водителя и вновь отбыл в небытие.

Незастегнутая куртка Димы распахнулась, открыв глазу пистолет. Мы как по команде замерли в испуге. Водитель же и виду не подал.

–Пока нас нет, -велел он Анжеле. – Прибери здесь все. Одежду, осколки собери в отдельный пакет. Все, к чему он прикасался, вытри тряпкой. Тщательно.

Анжела округлила глаза. В зрачках читался вселенский

страх. Она тут же потрусилась на кухню за мусорным пакетом. Дима бросил мне:

– Вызови лифт.

Я помчалась выполнять поручение. Придерживая дверь кабины и поджидая, пока Дима дотащит тушу гостя Анжелы, я тряслась мелкой дрожью и обдумывала последствия сегодняшнего приключения. Особенно меня интересовал вопрос о том, сколько лет дают за соучастие.

Добравшись до машины, Дима загрузил тело в багажник и скрылся в неизвестном направлении. Поехать с ним он не позволил. Я провожала взглядом его джип до тех пор, пока не потеряла из виду. Можно было бы еще платочком на прощание помахать, да повод подкачал. И платочка не было.

В квартиру Анжелы я влетела ураганом. Поднимаясь обратно, я успела невероятно разозлиться. Но весь настрой пропал при виде ее. Она забилась в кресло на кухне. Обняв коленки, о чем-то думала. Даже не посмотрев на меня, сказала:

– Сделай кофе. Покрепче. Худо мне.

Я и сделала. Поорать всегда успею. Разлив ароматный напиток по чашкам, я сказала:

– Прошу.

Анжела перебралась за стол. Сделав пару глотков, сказала:

– Не думала, что приедешь.

– Зачем звонила тогда?

– Ты – моя последняя надежда, – усмехнулась она. – Если

быть точной, единственная.

- Если еще кого-нибудь огреешь по башке, обращайся.
- Я даже имени его не запомнила. И лицо как в тумане.
- Не думаю, что это теперь важно.

Анжела неопределенно пожала плечами. Подумала. Спросила с опаской:

- Как думаешь, стукнет Владу?
- Конечно. Если уже не сообщил.
- Черт.
- Чему удивляться? Деньги ему платит он. Не ты, не я.

Миронов.

- Крику будет... Запретит тебе со мной общаться.
- Я не школьница, чтобы мне запрещать.
- Все же...
- Оставь. Проблемы будем решать по мере их поступления.

Дима вернулся меньше чем через час. Забрал у меня и пакет с пожитками незнакомца, уходя заверил:

- Вопрос решен. Беспокоиться не о чем.

Что произошло за время его отсутствия и какова дальнейшая судьба Анжелиного гостя узнать уже не довелось. Остается только надеяться, что он жив-здоров и с шальными женщинами больше не связывается.

До дома мы добрались в полном молчании. Я затаилась на заднем сиденье и с разговорами не лезла, понимая всю их бесперспективность. Что меня действительно волновало, так

это реакция Влада на мое ночное приключение.

Однако, по не ведомой мне причине, Влад злиться не стал. Более того, он даже не заговаривал о произошедшем. Однако дал понять, что в курсе случившегося.

Вины за собой я не чувствовала. Помогать другу – не подлость. Но учитывая обстоятельства появления незнакомца в квартире Анжелы, ситуация обретала слишком пикантные подробности. Зная ревность Влада, подобная покладистость настораживала.

Русик же, похоже, и вовсе не ведал о случившемся. Потому неприятности со спонсором Анзелу обошли стороной.

А дабы так оно и оставалось, каждая из нас инстинктивно была ласковее обычного, не скупилась на внимание и всячески демонстрировала свои положительные стороны любовникам. Усилия наши даром не прошли. К моменту открытия ресторана мужчины пребывали в отличном настроении и веселились от души. Не отставали и мы.

Но мир был слишком хрупким, чтобы существовать долго.

Анжела вытянула длинные ноги на кушетке и тяжело вздохнула. Сосредоточив все внимание на потолке, вздохнула вновь. Уплетая яблочный тарт и не разделяя чужого горя, я спросила:

– Чего ты маешься?

– Все как-то... не так, – трагически прошептала она.

– Уточнишь?

– Все не то.

– Ну, тогда понятно.

Сев по-турецки, она попыталась выразиться более конструктивно:

– Я думала это будет увлекательно. Интересно. Поразительно! Собственный ресторан... я так долго об этом мечтала.

– А в итоге?

Она подперла рукой щеку и тяжело вздохнула:

– В итоге... Поставщики – уроды, персонал – придурки, бухгалтер – зануда, администратор – стерва, посетители...

– Я поняла, не продолжай.

– А еще эти бесконечные отчеты. За всем надо следить. Собирать совещания. Вокруг все врут и пытаются унести все, что не приколочено...

– У тебя есть управляющий.

– Был.

– Сбежал?

– Нет, сама уволила.

– Чем провинился?

– Смотрел на меня как на дуру.

– А ты умная?

От полетевшей в меня подушки я увернулась. И миролюбиво сказала:

– Брось, тебе нужна помощь – это очевидно. Хотя бы на

первых порах. А смотреть может как угодно, лишь бы дело знал.

– Этого обратно не возьму, – отрезала она.

– Попроси у Русика другого. У него непременно есть кто-то толковый.

– Уже думала об этом.

– За чем же дело встало?

Анжела пристально посмотрела и спросила:

– Тебе не кажется, что мужики в последнее время излишне нервные.

– Им полагается. Либо нервничаешь и зарабатываешь большие деньги, либо расслабленно валяешь дурака и со-сешь лапу.

– Так-то оно так, и все же...

– Русик на что-то жаловался?

– Нет. Это, кстати, тоже настораживает. Обычно язык как помело, а тут молчит – слова не вытянешь.

– Здесь я не в помощь. Влад со мной дел не обсуждает.

Врать, конечно, нехорошо. Но есть правда, которой лучше не делиться.

– Чую, грядут перемены.

– Это весна. А витаминаоз.

– Не зли меня.

– Не буду, – кивнула я. – Мне пора. А ты не забивай голову всякой ерундой – она способствует преждевременному старению. Пусть мужики думают, им положено.

Анжела трагически вздохнула и вновь легла на кушетку.

– Надоело все. Хочу к морю.

– Одно слово – и ты уже там.

– Поедешь со мной? – оживилась она.

– Нет. Извини. Сейчас не могу.

– Ты всегда так говоришь, – обиделась она. – Что тебя держит в этом гребаном холоде?

– Лень. Собирать чемоданы – это столько усилий. Тут думать надо... Что взять да как сложить.

– Не делай из меня идиотку. Это обидно.

– Извини, – осеклась я. Анжела махнула рукой:

– Ладно уже, иди. Наслаждайся жизнью. А я поработаю.

– Ага, – хмыкнула я. – Приятных снов.

Она бы кинула в меня подушкой, но та лежала слишком далеко. Махнула обреченно рукой и прикрыла веки.

Дима подогнал машину ко входу. Не ожидая никакой напасти, поглощенная в собственные мысли, я села в салон. Дверь тут же открылась, и рядом со мной оказался Тоша. Антон.

Дима резко обернулся и собрался ринуться в бой. Я сухо велела:

– Оставь нас.

Что-то в моем голосе или интонации заставило его послушаться. Он вышел из машины. Но даже шага в сторону не сделал. Так и стоял, то ли подслушивая, то ли намереваясь меня защищать. Впрочем, это, конечно, преувеличение. На

меня ему было плевать.

Мы остались вдвоем. Взгляды и несказанные слова острее скрещенных шпаг. Молчаливый поединок слишком хорошо друг друга знающих людей. Нескончаемая мука.

Он устало потер лицо. На безымянном пальце кольцо. Мое покоится на дне Невы.

–Ева...

Я не узнала его голос. И мне не нравилось больше, как он произносит мое имя.

– Ты должна знать...

– Должна?

– Пожалуйста, не надо...

– Зачем ты здесь?

– Я хотел предупредить тебя. Влад...

– Не будем о нем.

–Ты не понимаешь! Он подвергает тебя опасности...

– Ничего не имею против.

Он отвернулся в досаде. Сжал кулаки с такой силой, что свело руки.

– Я хочу тебе помочь.

– Лишнее. Я не нуждаюсь в помощи. Тем более в твоей.

И снова молчаливое противостояние. Мы прожигаем друг друга взглядом, но тяжелая, как все горы мира, тишина не нарушается ни единым словом.

Я опустила стекло. Обращаясь к Диме сказала:

– Едем.

Он тут же сел на водительское место. Антону не оставалось ничего, кроме как покинуть поле боя. Но последнее слово всегда должно было оставаться за ним:

– Я на твоей стороне. Не забывай.

Буря была вопросом времени. Я это прекрасно понимала. Но угадать, с какой стороны грянет гром, не смогла.

Если подумать, в бредовой идее Влада я виновата сама – слишком затянула с выдворением Димы. А с нерешенными проблемами всегда так. Из мелкой пакости они превращаются в большие беды с далеко идущими последствиями.

Влад вернулся с первой капелью. Его не было почти неделю. Где он проводил это время, мне не ведомо. Был ли в командировке или в городе тоже. Много в его жизни я предпочитала не замечать. Взамен не спешила делиться своим. Это казалось честным.

После нескольких часов дивных утех он заметно повеселел и подобрел. Я сочла момент подходящим. Тем более, что мне грозил очередной скучнейший ужин с какими-то банкирами. А за подобное страдание обязательно должна быть стоящая награда.

Он уже допивал кофе, когда я спустилась вниз. Увидев меня, довольно ухмыльнулся:

– Новое платье?

– Нет. Просто в прошлый раз ты снял его так быстро, что не успел разглядеть.

– Я вовсе не против повторить.

– Кто бы сомневался.

Он поставил передо мной две чашки. Почесав щеку, задумчиво сказал:

– Не знал, чего ты хочешь. Сделал и чай, и кофе.

– Ты очень мил, мой хороший.

Влад гордо улыбнулся. А я начала вкрадчиво:

– Рука совсем меня не беспокоит. Будто и не было никакой аварии.

– Отличная новость, – кивнул он. – На смену погоды не реагирует? Врач предупреждал, что...

– Нет, с этим тоже порядок, – заверила я. – И машину я вполне могу водить сама. Помощь Димы уже не нужна.

Влад посмотрел как-то странно и нахмурился. Моя интуиция забила в панике.

– Я хотел поговорить с тобой о нем.

– Да? О чем же здесь говорить?

– Вы ладите?

– Эм-м-м, не совсем понимаю, о чем ты спрашиваешь, – призналась я. – Ни в одно дерево мы не влетели. Пьяным он на работу не являлся, ценные вещи из дома не выносил. Наверное, можно считать, что ладим. Однако присутствие в обозримой дали вооруженного человека радовать меня не способно. Не в Великую Отечественную живем. Слава Богу.

Влад в раздумье прошелся по кухне. Я окончательно испугалась. Наблюдая за ним тревожным взглядом, ждала сквер-

ных новостей. И дождалась.

– Я считаю, тебя нужно охранять круглосуточно.

Пару раз моргнув от удивления, я смогла лишь промямлить:

– Я же не музейный экспонат. Зачем мне охрана? Тем более, круглосуточная.

– Времена сейчас беспокойные. Я должен быть уверен, что тебе ничто не грозит.

– У тебя проблемы?

– Решаемые. Но, повторюсь, я должен быть абсолютно уверен, что ты в безопасности. В любое время суток.

До меня потихоньку начало доходить. Я возмущенно ахнула:

– Ты ведь не собираешься сказать, что он будет жить в доме?!

– Другого варианта нет.

Я посмотрела на него растерянно. Влад всем своим видом демонстрировал готовность к бою. Он решение принял. И никакого иного варианта, кроме как согласиться, мне не предлагалось.

Не веря происходящему, я спросила растерянно:

– Ты всерьез считаешь нормальным, что со мной в одном доме будет жить чужой мужик?

– Я ему доверяю.

– Он кастрат? Гей? Или ты считаешь, что я настолько уродлива, что неспособна вызвать желание у других муж-

чин?

Влад побелел от гнева. Приблизился, свесившись надо мной, словно грозовая туча, сказал:

– О, в этом тебе равных нет. Иначе бы твой бывший муж не обивал пороги столько лет.

– Так вот в чем дело, – усмехнулась я.

– Не только, – упрямо мотнул головой он. – Главное – твоя безопасность.

– Безопасность от чего? От адюльтера? От других мужчин в моей постели? Ты же сам приводишь в дом чужака!

– Он останется! – взревел Влад. – Я так решил, и это не обсуждается!

– Тебе самому это не кажется смешным? – попыталась зайти с другой стороны я. – Зачем ты провоцируешь меня?

Влад смерил меня долгим взглядом. Молча вышел в холл. Рывком открыл входную дверь и крикнул:

– Дима, подойди.

Рыжий тут же возник в поле зрения. Обманчиво спокойно Влад сказал ему:

– Мы все обсудили. Ева со мной согласилась и будет рада, если ты займешь комнату для гостей на первом этаже. Вещи можешь перевезти завтра.

Дима бросил на меня равнодушный взгляд и кивнул в знак согласия. Я почувствовала себя статуей в чужом саду. Неодушевленный предмет, представляющий историческую ценность. Куплен на аукционе за большие деньги. Руками не

трогать. Пыль стирать регулярно.

Влад достал из гардеробной мою шубу. Приблизился раз-
машистым шагом и бросил мне в руки. Развернулся и, не
оборачиваясь, приказал:

– Одевайся. Опаздываем.

Чувствуя, как пылает лицо, я накинула дорогой мех. По-
слушная, словно наказанная родителями маленькая девочка,
поплелась следом.

Всю дорогу до города Влад с кем-то разговаривал по те-
лефону. Я не прислушивалась. Сидела в странном отупении
и тарасилась в окно. Иногда до моего слуха долетали злые
или гневные фразы. Но я не улавливала их смысл.

Мы остановились на светофоре у Казанского собора. Про-
хожие плотным потоком ринулись по пешеходному переходу.

Словно сонная одурь, оцепенение развеялось. Вернулась
способность здраво мыслить. Я достала из ридикюля банков-
скую карту и переложила ее в карман. Влад был увлечен раз-
говором и ничего не заметил.

Он обратил на меня внимание, лишь когда я оказалась на
улице. Пробиваясь сквозь толпу пешеходов, ринулась впе-
ред. Заскочив в вестибюль метро, я бросилась к охране. Об-
ращаясь к толстым дядькам в грязной форме, я попросила
жалобно:

– Помогите! За мной увязались какие-то придурки! Мне
так страшно...

Оба толстяка умиленно кивнули. Таких, как я, они не видели и в кино. Но, надеюсь, мой дивный образ не лишит их способности хоть что-то делать.

Влад и спешащий за ним Дима показались у входа. Я бросилась к турникетам. Толстяки сориентировались на удивление шустро и отрезали их от меня. Приложив карту, я оплатила проезд и беспрепятственно прошла внутрь.

– Ева!

Услышала я за спиной грозный окрик Влада. Но даже не подумала оглянуться.

Поезд помчал меня прочь. Я прислонилась спиной к двери и прикрыла веки. Сердце колотилось словно бешенное.

Следовало успокоиться. Решить, что делать дальше. Я огляделась растерянно. Только сейчас поняла, что стала объектом всеобщего внимания. Меня разглядывали словно под микроскопом. С жадностью, завистью, вожделением. Я отвернулась. Выхожу на следующей. Поброжу по улицам, успокоюсь и придумаю, что делать дальше.

Поезд мчался по темному тоннелю. В стекле вагонной двери показалось мое отражение. Испуганная Ева смотрела на меня печальными глазами. К счастью, яркий свет убил ее, едва мы выехали из тоннеля.

Я вышла на «Горьковской». Огляделась растерянно. Прохожие с опаской скользили по аллеям парке. Таящий снег превратил их в каток, покрытый толстым слоем воды. Я с печалью посмотрела на свои туфли. Далеко мне не уйти.

Внимание привлекла вывеска кофейни. Туда я и направилась. Посетителей в этот час практически не было. Однако мое появление не вызвало никакого интереса. Я заняла столик в углу у окна и заказала латте. Прохожие за окном спешили кто куда. Не останавливались, не смотрели по сторонам. Не отвлекались на лишние мысли. Их всех кто-то ждал. Дом. Семья. Питомец. А я?

– Ваш латте. Желаете еще чего-нибудь?

Поблагодарив официантку, я потянулась за телефоном. Первым порывом было позвонить Люсе. Она и Евсей всегда мне рады. Проблема в том, что они слишком за меня переживают. Не хотелось давать лишний повод.

Я позвонила Анжеле. Она ответила не сразу, после множества гудков.

– Привет. Отвлекаю от чего-то важного?

– Нет. Просто вытащила из душа.

– Прости.

– Прощаю. Что за печаль в голосе?

– С Владом поссорилась.

– Приедешь?

– Можно я на ночь останусь?

– Можно и не ночь.

Я вызвала такси и поехала к ней. Пока добиралась, Анжела успела приготовить голубцы и порезать салат. Только оказавшись за столом, я поняла, что кроме нескольких кружечек чая с печеньем ничего не ела за весь день.

– Чегостряслось у голубков?

– Он надумал поселить в моем доме водителя.

– Офигеть, – почесала курносый носик она. – Все мои мужики были ревнивы и страдали паранойей в разной степени. Но до такого никто не додумался. Такое, конечно, спускать нельзя.

– Рада, что ты не считаешь меня истеричкой. Или клинической идиоткой. Даже не знаю, что хуже.

– Напротив, – оживилась Анжела. – Все правильно сделала! Подобное надо пресекать на корню. Мужиков надо воспитывать! Чтобы много воли не брали!

– Никого я не собираюсь воспитывать, – устало сказала я. – Пусть живет как знает.

– Ты что, – всерьез испугалась Анжела. – От него насовсем ушла?

– Как пойдет, – неопределенно пожала плечами я.

Она посмотрела с нескрываемым недоумением. Но от комментариев воздержалась. За что я была особенно благодарна – и так было тошно донельзя.

К утру мое настроение не улучшилось. Влад не звонил. Бессонница также не добавила мне оптимизма. Но лить слезы в подушку я не собиралась.

В магазине напротив дома Анжелы я купила себе сменную одежду и обувь (наши с ней размеры не совпадали абсолютно). Вызвала такси и поехала к Люсе. По дороге я готовилась к долгим объяснениям. Но они негодились.

Люся уехала с крестником в гости к бабушке. А Евсей был так поглощен работой, что и меня с трудом узнал. Что позволило мне без всяких сложностей забрать ключи от квартиры родителей.

От друзей к отчому дому я направилась пешком. Миновав три улицы, оказалась в родном дворе. Сердце сжалось. Я упрямо тряхнула головой и пошла вперед. В почтовом ящике лежало несколько писем. Я пробежалась по ним взглядом без всякого интереса. Проигнорировав французский лифт с кованой решеткой невероятной красоты, взбежала на последний этаж по лестнице.

За тяжелой дверью, отделанной искусной резьбой, скрывалась моя тихая гавань – мой дом. Приют от всех невзгод и проблем. Так было когда-то. А сейчас?

Сейчас не знаю. Здесь было слишком тихо и неприлюдно. Не пахло пирогами и крепким кофе. Мамины духи не кружили приятно голову. И не было папиной куртки, пропахшей крепким табаком.

Все изменилось. Детство давно ушло. Остались лишь воспоминания. Но в моем прошлом было слишком много событий. Хороших и плохих. Воспоминания о каждом из них могли ранить. А я не любила подобного. Проще было не думать, не поддаваться на уловки памяти. За это я любила подаренный Владом дом. Там не жило прошлое.

Я положила письма на комод. Рядом с другими, сложенными ровными столбиками. Сбросила обувь и неспешно

прошла по комнатам. Здесь слишком долго никто не жил. Стал появляться запах запустенья.

Я делала уборку в квартире два-три раза в месяц, потому пыли на наблюдалось. Но запах. Покинутые жилища пахнут как-то иначе. Или мне только кажется.

Уже совсем весеннее солнце заглянуло в окно. Я зажмурилась и подставила ему лицо. Из-за особенностей архитектуры и истории развития города в Петроградском районе было не так много домов, квартиры в которых заливало бы светом. Дом родителей был редким исключением. Построенный в конце девятнадцатого века в стиле модерн он каким-то чудом не пострадал во время блокады и избежал калечащей реставрации. Квартира была двухсторонней. Часть окон выходила на улицу, часть – в сквер.

В сквере дома, куда выходили окна гостиной и кухни, еще с довоенных времен рос буйным цветом жасмин, за которым лучше, чем за внуками, следили старушки-соседки. Дворники-азиаты все пытались его то подстричь, то выкорчевать, но разбегались в страхе от защитниц двора.

С улицы был виден собор. Звон его колоколов неизменно наполнял радостным перезвоном соседние дома. Когда-то мы хотели в нем венчаться. Но все откладывали. А потом это потеряло всякий смысл. Оно и к лучшему – церковь разводы не жалуется. Мне же и судебной тяжбы длинную в год с головой было. Год жизни за свободу. Слишком дорогая цена.

Я распахнула окна. Весенняя свежесть ворвалась в квар-

тиру. И мне вдруг стало очень спокойно. Давно забытое, потерянное чувство.

К концу недели я уверилась, что вполне смогу прожить без Влада. Он не звонил ни разу. Я могла похвастаться тем же. Впрочем, было бы чем гордиться.

На второй день после возвращения в отчий дом я заприметила джип Димы на своей улице. После я видела его еще несколько раз. Сам факт его присутствия раздражал. Но я успокаивала себя тем, что рано или поздно Владу надоест. И он либо уйдет из моей жизни, прихватив шофера, либо сдастся. У которого варианта больше шансов, я старалась не думать.

Анжела пыталась приобщить меня к светской жизни. Мое стремление к одиночеству казалось ей несусветной глупостью. Я не спорила и не пыталась что-либо доказать. Жила как есть, игнорируя все ее попытки.

Не имея особых дел, я часами бродила по городу. Благо, что дни стояли сухие и длинным прогулкам не мешали. Но сегодняшней день я решила провести с большей пользой. Облачилась в старые джинсы и толстовку, затянула волосы в тугую косу и принялась мыть окна. За этим занятием меня и застал визитер Влада.

Открыв дверь, я обнаружила за порогом Диму. Прислонившись плечом к косяку, сказала:

– Извини, дорогой, комнаты в наем не сдаю.

– Влад приглашает тебя на обед, – не моргнув глазом, сказал Рыжий.

– Уверена, вы сумеете составить друг другу компанию. А я пас. Берегу фигуру к лету.

Далее по сценарию следовала захлопнутая перед носом Димы дверь. Но привести задуманное в исполнение не удалось – помешал чужой ботинок.

– О, вот и барин пожаловал, – с дурниной пропела я. Влада передернуло.

Отодвинув меня в сторону, он вошел в квартиру. Бывать здесь раньше Миронову не приходилось. Оттого хоть и смотрел хмуро, но с любопытством.

Я вернулась в гостиную. Выключила музыку. Настроение для сценических па было самое неподходящее. Сложив руки на груди, я спросила:

– Зачем пожаловали, ваша светлость?

– Прекрати, – поморщился он. Кивнул на распахнутое окно. – Тебе больше заняться нечем?

– Провожу время с пользой.

– Я тебе недостаточно денег даю?

– Надо еще где-то окна помыть? – поинтересовалась я. – Или как-то иначе заработать предлагаешь?

Сверкнув глазами, Влад отвернулся. Прошелся по комнате, разглядывая предметы. Надо признать, он держался молодцом. Пока ничего не крушил даже. Хотя руки чесались – это очевидно.

Сев на подоконник, я свесила ноги. Наблюдала за ним без всякого интереса и ждала. Наконец, он пробубнил:

– Ты не звонила.

– Ага.

– Я переживал.

– Телефон работает в обе стороны.

– Я очень зол на тебя.

– Да? Почему? Я вроде бы никого за тобой следить не посылала.

– Это для твоей безопасности, – отрезал он.

– А я проблем не боюсь.

– Это я уже понял, – усмехнулся он и перешел к сути. – Мне не нравится, что твой бывший вертится вокруг тебя.

– Мне тоже. Придется это пережить.

– Я думаю иначе.

Отставив шутки в сторону, я посмотрела в его глаза и сказала уверенно:

– Влад, мне нет дела до выходов Антона. И жаль, что ты тревожишься об этом. Но если с ним что-то случится, меня ты больше не увидишь.

– И еще смеешь говорить, что он тебе безразличен! – вспыхнул Миронов.

– Этого я не говорила, – напомнила я. – Но это вовсе не значит, что я собираюсь к нему возвращаться. И потом, тебе ли меня учить? Ты сам даже не разведен.

– Это юридическая формальность, – отмахнулся он. – Я

свою жену уже несколько лет не видел.

– Что не делает тебя свободным человеком.

– Тебе бы хотелось обратного?

– Этого я тоже не говорила. Меня вполне устраивают наши отношения.

– Иногда ты просто безбожно злишь меня.

– Здесь мы квиты.

Он вновь очертил круг по комнате. Коридор из гостиной просматривался отлично. На глаза Владу попались пачки писем, сложенные на комод. Словно гончая взявшая след, он ринулся к ним. Я села поудобнее, прислонилась спиной к распахнутой створке окна. Быть беде.

Зашуршала бумага. Что он делает, я не видела. Но догадаться труда не составило. Пару минут спустя он влетел в комнату с грозным рыком:

– Что это за хрень?!

– Письма, – равнодушно пожала плечами я.

Чеканя шаг, он принялся ходить по комнате, читая письма Тоши. Антона. Закончив одно, бросал на пол и начинал другое. Некоторые фразы с яростью произносил вслух:

– «Любимая моя Ева» ... «Я не живу без тебя. Все стало безразлично. Тускло. Жизнь ничего не стоит»... «Знаешь, я помню каждую твою улыбку, родинку»... «Твои вещи так и лежат на своих местах. А я все жду...»... «Мне часто снится то лето, помнишь?»...

– Прекрати.

Влад остановился. Посмотрел на меня странным взглядом. И спросил тихо и оттого особенно страшно:

– Как давно это продолжается?

– Давно.

– И ты скрывала это от меня?!

– Невозможно скрыть, то, что не имеет ровно никакого значения.

– Не ври! Ты хранишь их! Все эти годы он шлет тебе письма, а ты хранишь их. Что за бред?! Он веком не ошибся?!

– Вряд ли. Скорее украл чужую идею. Никакой оригинальности. Ни в чем.

Влад тщательнейшим образом изложил мне свое мнение о бывшем супруге, обо мне и проблеме в целом. Он не кричал. Его голос больше походил на грозный тигриный рык. Я не пыталась прервать тираду. Зато успела изрядно замерзнуть. На улице всего плюс шесть, а я в легкой толстовке. Но ни единой попытки сдвинуться с места не сделала. Смотрела в окно и ждала, когда все это закончится.

– Говоришь, это неважно. Почему тогда ты не выбросила эти письма? Хранишь их нераспечатанными, но не выбрасываешь.

– Не знаю, – призналась я. – Да и какой в этом смысл? Мужчину, который сделал меня женщиной, я все равно позабыть не смогу. И неважно пишет он мне письма или нет.

Влад с размахом ударил кулаком в стену. Делать этого не стоило. Стены в здании толстые, при царе возводили. Кость

сломать ничего не стоит. А это больно. Я точно знаю.

Он спросил хрипло:

– Почему же ты всегда была против моего присутствия здесь?

– В этом тоже нет никакого смысла. Родители здесь не живут. Я тоже. Цветы и то соседям розданы. Или ты желаешь мыть окна вместе со мной?

– Жалкая отговорка.

– Возможно, ты прав, – согласилась я. – Хочешь правду? Пожалуйста. Я не приглашала тебя, потому что таким, как ты, здесь не место. И таким, как я, теперь тоже.

Влад остолбенел. Я вновь отвернулась, посмотрела во двор. Казалось, вся вселенская тяжесть обрушилась на меня. Я чувствовала себя погребенной заживо.

Я устало прикрыла веки. Не стало сил носить привычную маску. Я хотела вырваться. Любой ценой.

– Ева... – неожиданно ласково позвал Влад. В комнату вошел Дима. До этого он топтался в коридоре. Теперь осмелел.

Собственный дом показался оскверненным. Никому из нас не было здесь места. Никому.

– Ева, – вновь позвал Влад. – Слезь, пожалуйста, с окна...

– Зачем?

– Ты можешь упасть. Это опасно. Разве ты не знаешь?

– Могу. Знаю. Что с того?

– Ева, не делай глупостей, – разволновался он. Дима бесшумно приближался. Но напоровшись на мой взгляд, оста-

новился. Мы оба знали – случись что, он не успеет. – Я погорячился, но... не стоит принимать все так близко к сердцу.

– Не принимаю. Просто надоело все.

– Послушай, ты устала и расстроена. Но... ты должна думать об отце и...

– Об отце? – усмехнулась я горько. – Думать о нем нечего.

– Девочка моя, ласково звал он. – Ты сама себя не слышишь. Не делай глупостей. Иди ко мне, мы все уладим.

– Все? – переспросила я и посмотрела на него. – Все-все?

Он опустил глаза. Сказал, злясь на себя:

– Я не имел в виду...

Я кивнула на дуб за окном.

– Видишь это дерево, Влад? Оно растет здесь, сколько я себя помню. Бабушка говорила, дуб рос и до войны. Возможно даже, он ровесник дома. Дубы ведь могут жить веками. Люди- нет, а они могут... Весна в этом году поздняя, даже почки не появились на ветках. Но появятся совсем скоро. Ждать осталось недолго. Но вот, что страшно... Когда листья пожелтеют, отца уже не станет. Он не доживет и до конца лета... Так что, думать о нем необязательно. Случись что со мной, он, конечно, расстроится. Но долгим расстройство не будет. Если подумать, недель позже, недель раньше – не так уж и важно. К тому же, если хоронить двоих, могут дать скидку. Маркетинг на костях, я слышала, процветает.

– Детка, пожалуйста...

Я поморщилась. Уже все сказано. Он говорил, я не меша-

ла. Зачем теперь об этом? Все неважно. Все.

Я спросила:

– Как ты думаешь, Влад, что ждет нас там?

Он, конечно, сразу понял. Вновь побелел. Но уже не от ярости. Сказал строго:

– Мне не нравится этот разговор.

– Бывает. И все же. Что?

– Кто что заслужил, – ответил, помолчав.

– Но разве может быть хуже, чем здесь и сейчас? Нет ада страшнее жизни.

Он отвел глаза. Мне стало жаль, что я тревожу его подобными пустяками. Он хороший человек и не заслуживает подобных разговоров, несущих в себе бесконечные печали. Даже если ведет себя как свинья. Ревность – скверная штука.

Я потерла лицо ладонями. Сказала, не смотря на него:

– Уходи. И стукача своего заведи. Хорошего друг другу сейчас не скажем. Об остальном не волнуйся, я буду паинькой.

Коварство ранней весны дало о себе знать уже к вечеру. А может, все дело в накопившейся усталости. Как бы то ни было, температура поднялась до тридцати девяти и началась лихорадка. Последующие четыре дня она меня не отпускала. Я дрейфовала между реальностью и бредом и не находила сил даже вскипятить себе молока. Сколько бы продлилось мое столь скверное состояние неизвестно. Но появилась Лю-

ся, и все пошло на лад.

– Я так и не спросила, откуда ты взялась, – аккуратно, словно впервые взяв в руки ложку, я ела горячий куриный бульон и с благодарностью посматривала на нее.

– Евсей – олух, не сразу рассказал мне, что ты приезжала. Забаррикадировался в студии, и, пока не закончил работу, к реальности не вернулся. Я как узнала, что ты ключи забрала, сразу заподозрила неладное. К телефону ты не подходила. А у меня ведь еще одна связка была. Ты мне тогда все комплекты, кроме своего, отдала... Я и приехала. А тут ты с температурой сорок. Вызвала «Скорую». Они тебя забрать хотели, но я не позволила.

– Спасибо. Терпеть не могу...

– Знаю. Дома и стены лечат.

– И бульон.

– Без него в таких делах никак, – улыбнулась она. – Приходил еще рыжий парень. Забыла имя. Он привозил тебя к нам.

– Есть такой. Чего надо было?

– О здоровье твоём спрашивал.

– Ты сказала, куда ему идти?

– Нет, а надо было?

– Всегда успеется.

Люся принялась прибираться на кухне. По молчанию, нервным движениям я поняла, что ей есть, о чем печалиться. Причина мне была известна. Оттягивать разговор не имело

смысла.

– Вы нашли дом?

Люся вытянулась в напряжении словно струна. Нерешительно обернулась. Кивнула.

– Ты напрасно переживаешь. Я рада за вас.

– Знаю, – глухо сказала она. – Только вот...

– Брось. Перемены неизбежны. Я давно смирилась с этим.

Привыкнешь и ты.

Она поспешно отвернулась. Украдкой смахнула слезы. Мне следовало сказать ей что-то ободряющее. Но слов я не находила. Казалось, я повисла в воздухе. Мне не на что было опереться.

Окутанная заботой Люси, я довольно быстро поправилась. И через некоторое время окрепла настолько, чтобы вновь совершать небольшие прогулки. Правда, мне то и дело требовался перерыв. Но это все же лучше, чем сиднем сидеть дома.

Дима уселся через скамейку от меня. Я предпочитала делать вид, что не замечаю его. Подставила лицо солнцу и расслаблено откинулась на спинку скамейки.

Я бы с удовольствием поставила все свои мысли на стоп. Но к великому сожалению, подобным умением я так и не овладела. Я скользила от прошлого к настоящему, от Тоши к Владу и обратно. Я пыталась понять что-то важное, но топталась на месте.

Вспомнилось, когда однажды ночью я проснулась и не об-

наружила его рядом. Поежилась зябко. Кажется, я разучилась просыпаться и засыпать одна с самой первой нашей ночи.

Накинув халат, шлепая босыми ногами по полу, отправилась искать мужа. Он курил на балконе. Всегда так делал, когда не спалось. Я прижалась щекой к его спине и позвала:

– Выбрось из головы всю эту ерунду, и пойдем спать.

– Как ты догадалась, что я думаю о ерунде? – улыбнулся он.

– Единственно важное, о чем ты можешь думать, – это я. Но раз я проснулась в одиночестве, значит, твою голову занимают мысли о чем-то другом.

Он обернулся и заключил меня в объятия. Над головой раскинулось звездное небо. Большая Медведица сияла так ярко... Прекрасная ночь. Сказочно-дивная.

Одарив меня нежнейшим поцелуем, Тоша прошептал:

– Клянусь, я сделаю все, чтобы мы были счастливы. Ты никогда не пожалеешь, что стала моей женой. Клянусь. Веришь мне?

Я верила.

– Бабы – дуры, – констатировала я. Проходивший мимо старичок подскочил от неожиданности. Видимо, его пугали разговаривающие сами с собой горожане.

Последующие дни шли ровно по тому же сценарию. Я бродила по улицам или парку. Когда не было ветра, подолгу сидела на пляже Петропавловской крепости. Дима ошивался

рядом.

С каждым днем мне становилось легче. Думать. Дышать. Жить выбранной когда-то жизнью.

Влад несколько раз присылал мне цветы. Роскошные букеты белоснежных роз. Он всегда дарил мне только эти цветы. Но не звонил ни разу. Я отвечала тем же.

Сколько бы это продолжалось неизвестно. Однако в мире, где ставки так высоки, безопасности нет места. Не говоря уже о слабости.

Ссора с Владом и последующая лихорадка оставили меня за бортом происходящих событий. Я, что называется, убрала руку с пульса. Подобные ошибки всегда стоят дорого.

Что настало мое время платить, я поняла не сразу. Лежа на полу мчащегося по улицам города в неизвестном направлении фургона, я вращала глазами и пыталась осознать, какого черта я здесь делаю. Страх не было. Все произошло слишком быстро, и я не успела испугаться. Пока.

Возвращаясь с очередной прогулки, я подходила к дому. Замерла у пешеходного перехода, послушно ожидая, пока загорится зеленый.

Серебристый фургон поравнялся со мной, распахнулась дверь. Я успела заметить двух мужчин и вроде бы даже удивиться, что они в масках. И, пожалуй, все.

Не успев моргнуть и глазом, я уже оказалась в машине. Надо мной склонился один из похитителей (то, что меня похитили, я поняла сразу – не даром смотрела телевизор). Он

был в маске, которую так любят сотрудники ОМОН и иных схожих структур. Продемонстрировал мне пистолет и сказал по-доброму:

– Лежишь тихо и не шевелишься. Поняла?

Оружие придало вес его словам. Я молчала и, кажется, забывала даже моргать. Не дождавшись ответа, он сказал, при этом глаза в прорези маски смеялись:

– Можешь просто кивнуть.

Я кивнула. Он меня похвалил. Ничего иного последующие полчаса не происходило.

Все, что я смогла сделать за это время – скосить глаза таким образом, чтобы разглядеть количество ботинок возле меня. Выходило, что в салоне было трое мужчин. Плюс водитель. Итого четверо похитителей. Если рядом с водителем кто-то сидит, пятеро. Но, что так что этак – шансы выбраться отсутствуют как таковые. К сожалению, из всех кружков, на которые меня водили родители, ни в одном не учили умениям спецназовцев. А способность усердно вышивать бисером мне вряд ли сейчас пригодится. Разве что, терпением блеснуть смогу. Но это зависит от того, что со мной делать будут.

Тем временем мы приехали. Куда черт занес, я понятия не имела. Но в том, что это конечная точка нашего маршрута, догадалась сразу. Похитители сладко потянулись и приготовились гуськом покинуть фургон. Признаться, я бы предпочла еще полежать – уж очень не хотелось знать, что ждет ме-

ня за пределами машины. Ведь сомневаться в том, что грядут тяжелые испытания, не приходилось.

Но подобной возможности мне не дали. Ухватив за воротник куртки, Маска напротив рывком усадил меня на полу. Рукав его курки задрался. На оголенном запястье я успела разглядеть фрагмент татуировки.

Тут же на мою голову натянули мешок. До того плотный, что увидеть сквозь него было ровным счетом ничего невозможно. Испугавшись, я собралась было наплевать на доводы разума и завизжать, что есть мочи. Но профилактики ради мне выписали увесистый пинок, и я тут же притихла. Дополнительные меры воспитания были излишни.

Потом мы все куда-то шли. Маршрут казался бесконечным. Но, скажи мне кто-нибудь, что я прошла всего через несколько комнат и коридоров, тоже бы охотно поверила. Примечательно, что за все это время я не услышала ни единого звука. Ни с улицы, ни внутри помещения, в котором находилась.

Один из похитителей гнусно толкнул меня в спину. Потеряв равновесие, я подалась вперед и рухнула на пол. Дверь за спиной тут же захлопнулась. В панике я начала куда-то ползти. Но попыток остановить меня никто не делал. Истерическими движениями я принялась срывать с головы мешок. О последствиях уже не думала.

Однако ничего скверного не произошло. Я имею в виду, еще более скверное, чем западня, в которую я угодила.

Прижимая злополучный мешок к груди как нечто родное и очень дорогое моему сердцу, я испуганно огляделась. В комнате, кроме меня, ни души. Просидев некоторое время истуканом на полу, я немного успокоилась.

Руки еще дрожали. Мысли одна страшнее другой все еще роились в голове, но и более ценные стали появляться. Я смогла осмотреться и еще раз все хорошо обдумать.

Комната, в которой меня заперли на темницу феодального замка походила мало. На камеру «Крестов», а благодаря телевидению и кинематографу, как она выглядит знает каждый россиянин, тоже. Скорее, на номер трехзвездочного отеля. Небольшой шкаф, туалетный столик, односпальная кровать и телевизор. Мини-бар, кстати, тоже присутствовал. А вот окон в помещении не было. Зато была видеокамера, что сильно нервировало.

Осмелев, я прошлась по комнате. Подергала ручку двери, хоть и была твердо убеждена, что она заперта. Но проверить все же стоило. Ванная комната тоже напоминала отель. Маленькая душевая, несколько чистых полотенец, халат и одноразовые тапочки. Примечательно, что мини-флакончики с шампунем и гелем для душа тоже присутствовали, не говоря уже о зубной щетке и пасте. А также шапочка для душа и лосьон для тела (с запахом ванили, между прочим).

Нахмурившись, я вернулась в комнату и все еще раз оглядела. Засунула нос в шкаф. И замерла в нерешительности.

При более спокойном осмотре я обнаружила вазу с фрук-

тами на столике. Рядом с ней несколько бутылок минералки. Мини-бар забит до отказа снеками и шоколадками. На прикроватной тумбочке свежие журналы и несколько классических детективов. В шкафу новенький спортивный костюм.

Кем бы ни были мои похитители, о моем комфорте они позаботились. Только стоит ли этому радоваться?

Подумать об этом времени у меня было предостаточно. Целых двое суток я неустанно изводила себя мыслями одна другой страшнее. Одна другой нелепее. Но ничего путного так и не придумала.

Полному застою мыслительного процесса немало способствовал тот факт, что все это время ровным счетом ничего не происходило.

Дважды в день дверь в мою комнату (камеру) открывалась, Маска ставил на туалетный столик поднос с едой и удалялся. Робкие попытки заговорить разбивались о полнейшее игнорирование моей персоны. Примечательно, что я даже не могла с уверенностью сказать, входил ли в комнату один и тот же человек или их было несколько. Все похитители были одеты в одну и ту же одежду, обладали одним и тем же телосложением и не произносили ни единого звука. Я не смогла бы их не только опознать, но и различить между собой. Крошечный фрагмент татуировки на запястье одного из них – ничто. Ибо даже татуировку я целиком не видела. Может, она у каждого есть. Кто их, придурков, знает?

Славный сон мне снился в эту ночь. Влад лежал на соседней подушке и улыбался. Я поцеловала его в колючую щеку. Туда, где, как я знала, скрывалась ямочка. Была забыта ссора. Исчезли обиды. Он притянул меня к себе и, нежно целуя, шептал мое имя. Громче и громче.

Когда же шепот превратился в крик, я испуганно вскочила. Огляделась. Осознала, что это уже никакой не сон. Я действительно слышу его голос!

Я бросилась к двери и что есть мочи забарабанила по ней кулаками. Во всю силу кричала:

– Влад! Влад, я здесь!

Скоро послышался топот стаи богатырей. Складывалось такое впечатление, что на выручку мне шла целая рота.

– Ева!

Влад больше не кричал. Я слышала его голос без всяких усилий. Он стоял за дверью. Всклипнув, я пискнула:

– Я здесь! Меня заперли.

– Отойди подальше, мы выбьем дверь.

Его приказ я выполнила тут же и с явным удовольствием. Мгновение спустя довольно крепкая дверь, словно тростинка, с грохотом рухнула на пол. Н-да, силы у подручных Миронова не занимать. Хоть на базаре продавай. Но сегодня я этому была лишь рада.

Влад тут же ворвался в комнату. Я повисла у него на шее, словно Дюймовочка на руках титана.

Оглядев меня с ног до головы и убедившись, что никаких увечий мне не нанесли, Влад вздохнул с явным облегчением. Даже представить трудно, что он себе напридумывал, пока искал меня. Бедненький мой.

Как добирались до дома, я не запомнила. Все это время он не выпускал меня из рук. Весь мой мир сузился до него одного.

Посадив меня себе на колени, Влад попросил вновь:

– Расскажи, как все произошло.

Свет ночной лампы падал на его лицо причудливыми тенями. Я вновь повторяла свой незатейливый рассказ. Он слушал внимательно, словно пытаюсь понять что-то такое, что ускользнуло от него раньше.

Но в моих словах не было ничего нового. За эту ночь я повторила все как было несколько раз. Покрывая мое тело поцелуями, Влад также имел возможность убедиться, что никто не посмел причинить мне вреда.

– Влад, – повторила я. – Они ничего мне не сделали. Честно.

Его лицо окаменело. В глаза стало страшно смотреть. Я прижала его голову к своей груди. Уткнулась носом в макушку. Такого Миронова боялась даже я.

– Если бы что-то с тобой... я ... Ева...

– Все хорошо, мой милый. Все хорошо...

Взяв верх над эмоциями, он вернулся к делу. Нахмурился и сказал задумчиво:

– Похищение – полный бред. За все это время на меня никто не вышел. Не требовали денег. Не угрожали.

– Не могли же меня по ошибке украсть?

– Не могли, – отрезал он. – Работали профессионалы. Готовились заранее. Все тщательно спланировано. Они не оставили никаких следов.

– Что же тогда?

– Думаю, они чего-то ждали. Ты была их козырем. Придерживали до лучших времен.

– Брось, – отмахнулась я. – Какой из меня козырь.

Влад посмотрел как-то странно. Но тут же отвел глаза. Пожал плечами и сказал неопределенно:

– Времена сейчас беспокойные. У босса проблемы. Все под ударом. Ты – мое слабое место. И похоже, это стало понятно не только мне.

Я похолодела. Подобных разговоров стоило опасаться – когда говорит сердце, разум молчит. А это хорошо только на страницах романов.

– Как ты сумел найти меня?

– Дима хорошо сработал.

– Да уж, – фыркнула я. Учитывая, что меня похитили у него на глазах, «хорошо» – это громко сказано.

– Когда тебя взяли, – рассказывал Влад. – Он поехал следом за фургоном. Вызвал подмогу, но ребята не успели на помощь. Его заметили. Фургон сопровождала другая машина. Дима уходил от нее, одновременно пытался не потерять

тебя. В итоге влетел в стену здания.

– Тогда как он обнаружил дом, где меня держали? – не поняла я.

– Последующие дни он и ребята прочесывали все окрестности. В какой-то момент ему повезло. Похитители были в масках, водитель – нет. Дима узнал его, проследил. Незадолго до того, как мы прибыли, похитители куда-то уехали. Дима был один. Проследить за ними и не оставить дом было невозможно. Ребята их ждут, но шансов поймать немного.

– Почему?

– Потому, что нужно было либо их ловить, либо тебя забирать.

– Они поймут, что ты был в доме? – в досаде вздохнула я.

– Я же говорил, они не дилетанты.

Я ухватила его за щеки и запечатлела долгий звонкий поцелуй. Влад рассмеялся.

– Спасибо, что не сделал из меня наживку. Я бы с ума там сошла.

Улыбка исчезла с его губ. Глаза потемнели. Он сказал тихо:

– Грехов за мной много, детка. И новых я давно уже не боюсь. А ты... мой свет. Моя женщина. Моя. И если надо, я умою кровью этот город, но каждый будет знать – ты неприкосновенна.

Столкновение со стеной для Димы даром не прошло.

Знатная ссадина украшала левую сторону лица. Но мне не было его жалко. Я помнила, что обязана ему спасением, и была благодарна за это. Но видеть в нем причину всех своих проблем мне это не мешало. Он же предпочитал делать вид, что моих гневных взглядов попросту не замечает.

Сложив руки на груди, я следила за тем, как он въезжает в комнату для гостей на первом этаже. Влад благополучно смылся в офис с самого утра. Похоже, всерьез считал, что к вечеру я подобраю. Довольно наивно с его стороны.

Перейти к военным действиям меня так и подмывало. Причем, не дожидаясь ни вечера, ни удобного случая. А доводы разума? К черту их!

От опрометчивых поступков спас звонок Анжелы. О случившихся со мной приключениях она была наслышана и жаждала личной встречи. Причин отказывать себе в удовольствии общения с подружкой я не видела. Не прошло и часа, как она парковалась у моего крыльца.

Дождь на улице лил страшный, оттого встречать ее с караваем и солью я не стала. Открыла настежь дверь и посторожилась. Влетев в холл как ураган, она тут же прижала меня к пышному бюсту и спросила с придыханием:

– Ну, ты как?

– Бесит всё, – честно призналась я. – И все. Влад особенно.

– А водитель?

– Убила бы.

– Говорят, он тебя спас.

– Из чувства благодарности я прибью его быстро и безболезненно. Вот только храбрости наберусь...

Анжела достала из сумочки бутылку вина и лукаво улыбнулась:

– К вопросу о храбрости...

В очередной раз выслушав мою не особо богатую на подробности историю, Анжела сказала хмуро:

– Странное какое-то похищение.

– Ты бы предпочла, чтобы меня пытали? Или высылали Владу частями?

– Как минимум, это было бы логично.

– Если бы ты только знала, как я рада, что у похитителей иная логика.

– Не сомневаюсь.

– И не стоит.

– Неужели даже на девичью честь не покусились? – не поверила она.

Я передернула плечами и отвернулась поспешно. Тот факт, что меня не тронули, вовсе не значит, что мне не было страшно. Было, и еще как.

– Влад считает, похитители хотели его шантажировать. Просто не успели.

– Шантажировать? – округлила глаза Анжела. – Миронова? Тобой?

Она расхохоталась звонко и весело. А я каждой клеточкой прочувствовала, что грош мне цена. Таких, как я, только на паперти и раздавать. Бери любой желающий!

– Прости, – смутилась она. – Мне смешна сама идея, что кто-то осмелится шантажировать Миронова. В том, что ты ему дорога, я несколько не сомневаюсь.

Искренности в ее словах не было ни грамма. Но я предпочла промолчать. Анжела же принялась философствовать:

– Если подумать, подобные неприятности – неизбежная плата за то, каких мужчин мы выбираем.

– Мы платим за любой выбор. Иначе не бывает.

– Так-то оно так, но цена, согласишься, может быть разная.

– Влад говорил, у босса неприятности.

– Лукьянова? – судя по выражению лица Анжелы, какие-то слухи до нее все же долетали. И похоже, беспокоили всерьез.

Господин Лукьянов был, как принято говорить, выходцем из силовых структур. Сын высокопоставленного партийного чиновника, обладатель собственных погон, он пережил годы перестройки и приватизации с большой пользой. Именно этим и объясняется сегодняшнее могущество и благосостояние Сергея Дмитриевича. А еще тем, что он обладал редким даром подстраиваться под меняющееся настроение власти и полное безразличие к чужой судьбе и жизни.

Влад с гордостью говорил о нем как о наставнике и не стеснялся признаваться в том, что когда-то был у Лукьянова на

побегушках. С тех пор много воды утекло. И теперь учитель нуждался в ученике с каждым годом все больше. Но списывать старика со счетов не посмел бы и самый отчаянно смелый человек.

– Говорят, Лукьянов с Долиным что-то не поделили.

– Десятилетиями уживались и вдруг поссорились? – удивилась я. – Старческий маразм?

– Эти старики нас с тобой переживут. А с их нутром и на смертельном одре любому глотку перегрызть смогут.

– Главное, чтобы не друг другу. Война никому не нужна.

– В том-то и проблема, – еще больше нахмурилась она. – Рассорились они всерьез. Что не поделили знать не знаю, но Русик сказал, миром дело уже не решить.

– Всегда есть шанс договориться.

– Если есть желание. А им, похоже, и не пахнет.

Жизненный путь Петра Алексеевича Долина был до смешного похож на биографию Лукьянова. Причины карьерного роста также были как под копирку. Собственно, вчерашние союзники и знакомству обязаны силовым структурам – многие годы назад их кабинеты располагались друг напротив друга.

А сегодня у них все шансы встать по разные стороны баррикад. Знать бы еще почему. И чем это грозит Владу. Ведь, по сути, он слуга двух господ. Точнее, трех.

– Что старики не поделили, Русик не говорил?

– Работаю над этим, – кивнула Анжела. – Но пока не ко-

лется.

– А сама что думаешь?

– Деньги.

– Это понятно. Их ничто другое отродясь не интересовало.

– Женская интуиция и, что важнее, жизненный опыт подсказывает, что кто-то у кого-то что-то спер.

– И попался?

– Похоже на правду?

– Еще как, – признала я.

Мы еще погадали что да как и простились. Анжела уехала к Русику, вознамерившись вытрясти из него всю известную информацию. В ее таланте я не сомневалась. А что делать с Владом, решить не могла. Все также страстно хотелось закатить скандал из-за водворения Димы в мой дом (последний, кстати, благоразумно сидел в своей комнате и носа не показывал). Однако Анжелины новости встревожили не на шутку. Похоже, сейчас не то время, чтобы отвлекаться на ненужные разборки. Да и Дима может пригодиться.

Дождь мощными потоками стекал по окнам. От сильных порывов ветра дрожало и тихонько позвякивало стекло. Уже давно стемнело, и пора было включать свет. Но я таращилась в окно и, зябко передергивая плечами, размышляла о войне вчерашних союзников.

Многие годы они плечом к плечу строили свою империю. Не жалели ни врагов, ни друзей. Но друг друга трогать не

смели. Почему? Потому что силы были равны.

Вопрос в том, что изменилось. Кто дал слабину?

В свое время Влад познакомил меня с обоими, доводилось бывать и в их домах. Но об их деятельности он никогда не распространялся. Как и о своей роли в бизнесе.

Однако и по-светски пустого общения с ними было достаточно, чтобы составить собственное впечатление. Понятно стало сразу – меня не привлекал внешний лоск и дурманящий запах денег и власти, ибо опасностью от них разило куда сильнее.

Они управляли чужими судьбами словно активами компаний. Это нужно, это нет. Это развивать, это продать за ненадобностью. Каждый человек оценивался ими с точки зрения полезности и имел свою цену, выраженную, разумеется в долларах. Падая в цене по собственной глупости или с их же подачи, неудачник навсегда лишался возможности вернуться в круг избранных. Упавший на колени, подняться уже не мог – не позволят.

Влад умело играл по чужим правилам. У него были все перспективы со временем занять место одного из стариков. Но за это, разумеется, он платил свою цену.

Так, например, его брак – решение Лукьянова, а не выбор Влада. Много лет назад Лукьянов был дружен с главой строительного комитета города, Ключевым. Через него проходили все госзаказы на реставрацию зданий, тендеры по продаже земли. Очень нужный человек. И подросла у него дочь, Ксе-

ния. Говорят, правда, что вовсе не от него супруга родила. Дескать, был у госпожи Ключевой бурный роман на стороне, но была она покинута возлюбленным и вернулась к мужу уже пузатой. Но, поскольку и тот на сторону ходил частенько, супружницу принял обратно. Так и жили, периодически ища новых приключений на стороне.

Как бы там ни было, Ксюша росла девицей непутевой, ибо избалована была до чертиков. Но на любой товар найдется купец. Лукьянов решил дружить с Ключевым семьями. Роль счастливого супруга выпала Владу.

Молодые жили кое-как, зато дело процветало. Влад терпел все выходки жены, не желая подводить Лукьянова и ссориться с тестем. Его дражайшая половина, хоть и была глуповата, но власть свою понимала и пользовалась ситуацией на полную катушку.

Своему знакомству с Мироновым я действительно обязана бывшему супругу. Но в те годы была другая жизнь и была другая Ева. Нас представили на юбилее его компании, отец и сын Тарасовы были приглашены. Как и подобает хорошей жене, я сопровождала мужа.

Влад в тот же вечер принялся за мной увиваться. Его ухаживания я отвергла недвусмысленно. Даже ему стало сразу понятно, что продолжать не стоит. После того вечера мы не виделись долгие месяцы. Зато с его супругой повстречаться пришлось довольно скоро. Встреча была прескверная, но запоминающаяся.

Я никогда не любила ночные клубы. Мне не нравилась громкая музыка и претила публика. Но лихая все же заносила несколько раз. В тот вечер праздновали день рождения моей одногруппницы. Мы дружили с первого дня в университете и пять лет провели за одной партой. Во взрослой жизни дружба лишь окрепла.

Иванова обожала клубы – это была ее стихия. Танцы, мужчины, веселье. Мы с Люсей на ее фоне были редкими занудами и не стыдясь признавали это за собой. Однако выбор места проведения праздника – удел именинницы. И мы отправились в недавно открывшийся ночной клуб «Грибанал». Название клуб получил по месту расположения, ибо канал Грибоедова частенько называли данным неформальным именем.

Довольно скоро от громкой музыки у меня разболелась голова. Судя по кислому виду Люси, она прибывала в том же расположении духа. Иванова же отрывалась на танцполе с остальными гостями.

–Я вызову такси! – проорала я в ухо Люсе. Она радостно закивала.

Единственно тихое место поблизости – туалет. Туда я и направилась. Сделав заказ, я принялась поправлять макияж. Из кабинки появилась деваха в ультракороткой юбке и едва прикрывающем соски топе. Нарощенные волосы торчали во все стороны. На фоне посетителей клуба она выделялась не лучшим образом.

Но бриллианты, которыми были увешены ее запястья, шея и уши, непрозрачно намекали на то, что обижать барышню не стоит. Мало ли кто за ней стоит.

Нисколько не смущаясь, она достала из сумочки пакетик с порошком. Бережно, давно заученным жестом, высыпала на зеркальце дорожку и вдохнула наркотик. Я стояла ошалев не то от чужой простоты, не то от того, кто передо мной. Не с первого раза, но я все же узнала супругу Миронова. Как у клиента Тоши могла быть такая жена – уму не поддавалось.

Ксения же расценила мое молчание по-своему, протянула мне пакетик и зеркальце. Будто горящий пирожок предлагая, спросила:

– Хочешь?

Я помотала головой и поспешно выскочила из туалета. Однако вскоре нам предстояло встретиться вновь. Причем, в еще худшей ситуации. Хотя, казалось бы, куда уж хуже.

Дождавшись такси, мы распрощались с развеселой именинницей и побрели на поиски машины. Подъехать к клубу водитель не смог – не было места для парковки. Пришлось топтать по набережной на высоких каблуках в поисках нужной машины.

Люся схватила меня за руку и заговорщицки прошептала:
– Во дают!

Я машинально проследила за ее взглядом. Щеки тут же запыли. И было из-за чего, ведь мы бесцеремонно подглядывали за чужими страстными утехами.

В оправдание скажу, что не подглядывать было просто невозможно. Машина, в которой резвилась парочка, не была затонирована, окна открыты настежь. Их сладострастные стоны оглашали всю округу. Хорошо, хоть крышу кабриолета догадались закрыть.

Чертыхнувшись, я ухватила Люсю за руку и поспешила вперед. В этот момент женщина обернулась и посмотрела на меня. Мадам Миронову я узнала без труда. О том, что с ней, вернее, под ней, был вовсе не супруг, даже упоминать не стоит.

Поймав мой взгляд, Ксения улыбнулась и даже ручкой помахала. Но партнер тут же ухватил ее за шею, призывая не отвлекаться и сосредоточиться на главном.

Подобных выходов за мадам Мироновой числилось множество. Даже отъявленным сплетникам и болтунам надоело обсуждать ее выкрутасы. Влад же, сжав зубы, все терпел. С женой не жил, но развод не оформлял. Бизнес превыше всего.

Удалая жизнь Ксюши закончилась со смертью Клюева. Он погиб по собственной глупости, при довольно скверных обстоятельствах. Причем, все произошедшее попало в СМИ, что дало бабулькам у всех подъездов города тему для разговоров на долгие месяцы вперед.

В ночь гибели Клюев проводил досуг привычным способом. Резвился в любимом борделе и пил ведрами коллекционный виски, подаренный партнерами и теми, кто очень же-

лал ими стать. Но то ли виски оказался слишком крепким, то ли годы подвели – сердце Клюева остановилось. Приехавшая «Скорая» смогла лишь констатировать смерть.

И не стало ни партнеров, ни влияния. Его имя было забыто на следующий день. Те, кто вчера выстраивался в очередь, чтобы пожать ему руку, с циничным ехидством обмусоливали обстоятельства его смерти и лебезили перед свеженазначенным на его пост человеком.

Едва дождавшись похорон, Влад отправил благоверную в наркологическую клинику в Штаты. Последующие годы она ненадолго покидала ее стены, с неумным упорством возвращаясь вновь. Официально развод он так и не оформил. Почему? Истинной причины я не знала, да и не пыталась узнать. Может, Ксюша знала что-то, о чем не стоило распространяться. Или ему было так удобно – женат, и точка.

Меня наличие штампа в его паспорте устраивало целиком и полностью.

Миронов явился за полночь. Надо признать, Влад всегда отличался отличным чувством юмора. Но сегодня оно подвело его как никогда.

Он вошел в холл и по-голливудски мне улыбнулся. Я так и осталась стоять на верхней ступеньке лестницы. Чужая радость мне не передалась. Последний час я нарезала круги в бассейне и едва успела принять душ перед его приездом. Мокрые волосы рассыпались по плечам. Теплый махровый

халат придавал мне уютно-домашний вид.

Махнув рукой, он радостно крикнул:

– Заноси!

За его спиной показались двое парней из охраны. Благодаря подслушанному когда-то разговору я отлично знала их мнение на свой счет и даже сексуальные предпочтения.

Без всякого труда они внесли в дом бойцовскую грушу, на макушке которой красовался ярко-розовый бант. Влад довольно улыбнулся и сказал:

– Когда ты будешь зла также, как сейчас, она меня заметит. Нравится?

Уверена, он находил это смешным. Я – нет. Развернулась на пятках и скрылась в будуаре. Он попытался меня догнать, но едва не получил по носу дверью. Жаль, что промазала.

Мионов пытался сказать что-то вразумительное. Но я достала из футляра скрипку. Первые же ноты, заполнив дом, заглушили его голос. Спорить с Вивальди было невозможно. Перекричать тем более.

Без всякого сомнения Влад был человеком талантливым. О его умениях и способностях можно было говорить много и без всякого лукавства. Восхищала меня и ловкость, с которой он «забывал» неудобные для него ситуации.

Присутствию Димы он удивлялся не больше, чем торшеру в гостиной. Мое недовольство вражеской оккупацией и вообще в упор не замечал. Будто бы так и надо.

Но, что действительно его занимало, так это ссора двух седовласых пройдох. И тому, что экс-союзники медленно, но верно превращались во врагов из-за денег, довольно скоро нашлось подтверждение.

В очередной мерзко-дождливый день Влад оказался на моем пороге. По его лицу легко можно было догадаться, что привело его сюда вовсе не романтическое чувство.

Переходя сразу к делу, он сказал:

– Есть работа. Хочу, чтобы ты просмотрела документы.

– Хорошо, – убирая его куртку в гардеробную, согласилась я. – Бумаги у тебя с собой?

– Можно сказать и так, – почесав щеку, сказал он.

Пару минут спустя я поняла причину его задумчивости. Документами, которые мне предстояло «просмотреть», были под завязку забиты два «Эскалейда». Оценив количество коробок, я велела его помощникам:

– Второй этаж. Крайняя комната направо.

Будуар был по размеру невелик, но невероятно светел. Две стены из четырех – окна от потолка до пола. Воздушно-легкие занавески в пол пропускали свет и воздух. Комната словно парила, похожая на облако в солнечную погоду и тучу в плохую. Третья стена – сплошь ряды книг. Не все полки были заняты. Но благодаря бессоннице свободного места оставалось все меньше. На журнальном столике ноутбук, документы, ноты.

Я собрала свои бумаги и переложила их на пустующую

книжную полку. Ноутбук оставила – пригодится.

– Ставь на пол, – указала я на последнее пустующее место в комнате. Дима водрузил коробку на паркет и посмотрел вопросительно на Влада.

– Свободен, – отпустил его тот и спросил, когда мы остались одни. – Сколько времени тебе понадобится?

– Постараюсь все сделать быстро. Будут результаты, позвоню.

Может показаться странным, но я никогда не мучилась выбором профессии. В детстве мне не мечталось, словно стюардесса, парить в облаках или лечить зверушек, будто Айболит. Я всегда знала чего хочу. Но выбор все же сделать пришлось.

Мой отец был экономистом. Цифры были его стихией. А мама музыкантом – лишь единицы владели скрипкой так, как она. Мне одинаково легко давались обе сферы: математика и музыка. И в равной степени они были мною любимы. Но в борьбе двух противоположностей математика оказалась сильнее.

Последователи психоанализа легко смогли бы рассмотреть в моем выборе большую любовь к отцу или ревность к матери. И это был бы бред.

Я одинаково сильно любила родителей. Семья всегда была самым главным для меня. Именно поэтому я и выбрала профессию экономиста. Ведь будучи скрипачкой мне, как и

маме, пришлось бы ездить по миру. Жить в частой разлуке с семьей. Папина сфера подобного не требовала.

Но до девятого класса родители считали, что я могу передумать. Посему каждый учил меня чему мог. После мама отдала меня в папины руки. Наставником он был великолепным, я же старалась его не подвести. За годы учебы и последующей совместной работы я научилась очень многому.

Именно этим и объяснялось то, что Влад обращался ко мне за советом или помощью. Даже в тех ситуациях, когда не верил никому. Как сейчас.

На то, чтобы перелопатить документы, мне потребовалось четыре с лишним дня. Все это время Влад старался меня не отвлекать, хотя и чувствовалось, что его терпение подвергается серьезному испытанию.

Достигнув дна последней коробки, я еще раз все тщательно обдумала. Мозаика сложилась. Подозрения Влада были не напрасны и подкреплялись документами.

– Я закончила. Приезжай.

Дом окутали вечерние сумерки. Дождь привычно барабанил по стеклу. Ожидая его появления, я заварила чай. Глаза нещадно жгло от долгой работы. Я прикрыла веки.

По дому Дима перемещался бесшумно. Был ли это тщательно отработанный навык или талант, судить не берусь. Но чужое присутствие всегда чувствуется. Не открывая глаз, я сказала:

– Она не работает.

– Кто? – не понял он. Я охотно пояснила.

– Твоя панамка-невидимка.

– Почему панамка? Обычно невидимки – шапки.

– Да? Верю на слово. Но панамка тебе бы больше пошла.

Он плюхнулся на стул напротив. Конфета из вазочки тут же исчезла. Должна сказать, что с момента его появления в доме со сладостями это случалось постоянно. Не охранник, а пылесос какой-то.

– Влад приедет?

– А что?

– Просто.

– Понятно.

Практически все наши разговоры походили на этот. Бессмысленность – всему голова. Но сегодня Диме стало охота пообщаться.

– Поедешь куда-нибудь завтра? Ты почти неделю дома проторчала, только на фитнес и ездила.

– Фитнес – это святое. Толстые любовницы нынче не в цене.

– Влад тебя и толстой не бросит, – буркнул Дима. Комплиментом и не пахло. Похоже, мой новый сосед спал и видел, как бы от меня избавиться.

– Лстить ты не умеешь, – признала я. А он буркнул в ответ.

– Я и не пытался.

– И правильно. Не стоит тратить словарный запас на меня

– зарплату ведь Миронов платит.

– Слушай, – вдруг разозлился он. – Почему ты такая вредная?

– Конфет недоедаю.

Дима нахмурился. Но вдруг улыбнулся. Оказывается, он и это умеет.

– Не знал, что ты на него работаешь.

– Я и не работаю.

– А документы как же?

– Влад боится, что я разучусь считать и читать. Вот и привозит всякую макулатуру, дабы грамоту и циферки не забыла.

– Ага, – поморщился он. – У тебя книг от потолка до пола в угловой комнате. Даже на иностранных языках.

– Так там одни картинки. Ни единой буковки.

– Считаешь меня идиотом? – обиделся он.

– Скорее, слишком умным, чтобы торчать здесь.

– У всех своя работа.

– Удобный ответ.

Дима неопределенно пожал плечами. Я склонила голову набок и некоторое время разглядывала его. Он пил чай и уминал конфеты. Ни дать ни взять ужин благородного семейства.

– Дима, у тебя девушка есть?

– А что?

– Интересно, как она относится к тому, что ты живешь под

чужой крышей. С чужой женщиной. Не каждая с подобным примирится.

– Тебя же не напрягает, что Миронов женат.

– Я – это я. Так, что? Существует мадам Петрова?

– Удивлен, что ты знаешь мою фамилию.

– Случайно получилось.

– Я проблем не ищу.

– Это ты к чему? – не поняла я.

– Отвечаю на твой вопрос про девушку, – любезно пояснил он. – Женщина в доме к беде.

– Да? Я думала, это про корабль.

– Про дом тоже.

– Так, может тебе в монастырь? Там одни мужики и беды славную обитель обходят мимо.

– Вот еще. Мне в миру нормально.

– То есть, девушек ты предпочитаешь с почасовой оплатой?

– Ага. Все по чесноку и никаких скандалов в «ИКЕА».

– Тогда ясно.

– Что именно?

– Откуда такие познания о цене женской любви.

Дима посмотрел хмуро, но от комментариев воздержался. Мне же разговор порядком наскучил. Чай допивали молча. Когда же последняя конфета исчезла из вазочки, появился Влад. Окинув взглядом нашу идиллию, он сказал с усмешкой:

– Рад, что вы нашли общий язык.

– Не нашли.

– Жаль. Мне показалось иначе.

– У водопоя все равны.

Влад бросил куртку на стул и велел Диме.

– Оставь нас.

Водитель тут же скрылся с глаз. И среди равных найдется тот, кто равнее. Я раскрыла лежащий передо мной блокнот. Вооружилась ручкой и принялась рассказывать:

– Схема такая...

Влад слушал внимательно. Часто задавал уточняющие вопросы. Тот факт, что его обкрадывали последние пару лет, заставил Миронова хмуриться. Но от комментариев он воздержался. Рассказывая, как работали мошенники, я облакала в слова его мысли. Время на удивление он не тратил. Теперь все сводилось к простому: кто виноват и как вернуть деньги.

– Боюсь, что никак. Деньги наверняка уже где-нибудь в офшорах. Можно попробовать взыскать их по суду, но есть риск, что...

Слушать меня он перестал. В глубоком раздумье Миронов барабанил пальцами по столу. Его мыслей я не знала, хотя и понимала, что ничего радужного быть не может. И вдруг мне стало страшно. Как поступит Влад?

– Выходит, – после долгого раздумья вновь спросил он. – За всем стояла бухгалтерша? Комарова?

– Трудно сказать, – пожала плечами я. – С первого взгляда именно так. Но ее подписи на документах могли подделывать. Или ввести ее в заблуждение, ведь всегда можно сказать, что...

Я замолчала. Мои рассуждения Владу были без надобности. Мавр сделал свое дело, мавр может уходить.

Я потеряла ладонями лицо. Последние дни я практически не спала, и усталость давала о себе знать.

– Если я больше не нужна, пойду спать.

– Иди, конечно, – выжал из себя улыбку он. Наскоро поцеловал и вернулся в свои невеселые мысли.

Проспав блаженных семь часов, я проснулась в сильной тревоге. Влада в доме не было. Исчезли и все документы. Даже блокнот, в котором я рисовала схему по уводу денег. Дима, будто робот, молотил подаренную мне бойцовскую грушу – теперь она висела в углу бассейна, являя живое свидетельство мужской глупости и неумению выбирать подарки. Водитель частенько развлекался подобным образом, вызывая у меня стойкое недоумение.

Я позвонила Миронову, но телефон был выключен. Позже выяснилось, что он улетел в Москву.

Мне казалось, я совершила что-то скверное. Но я списала собственные мысли на расшатавшиеся нервы. Лично я ничего плохого не делала. Если же кто-то воровал миллионами, то должен понести за это наказание. По закону.

Мысли о том, как будет действовать Влад, страшили. Вот

и выходило, что по-настоящему я боялась Влада. Того, что он может совершить.

Кубарем скатившись с лестницы, я помчалась в гараж. Одной рукой натягивая кроссовку, судорожно искала ключи. Паникуя, я скользила взглядом по предметам, но ни на дюйм не приблизилась к искомому. Ключница, несколько крючков на стене у входа, бережно хранила запасные ключи от дома, гаража и даже почтового ящика. Но все комплекты от автомобилей исчезли. Вновь.

– Черт! Черт! Черт!

Я рванула в комнату водителя. Распахнув дверь, рявкнула:

– Дима, черт тебя дери! Где ключи от машины?!

Шустрый Лис тут же выскочил из-под одеяла и, будто и не спал вовсе, сказал:

– У меня. Одна не поедешь. Никуда.

Сказать ему мне хотелось многое. Но тратить время на скандалы я себе не позволила.

– Одевайся немедленно! Жду в гараже.

На все про все у него ушло полторы минуты. Мне же это время показалось вечностью, и виноват был во все только он. Чертов придурок!

Сверля его злым взглядом, я плюхнулась на переднее сиденье и рявкнула:

– Быстрее ты!

– Не вопрос, – будто все в полном порядке, спокойно ска-

зал он. – Куда едем?

– К фитнес клубу, – буркнула я, Дима посмотрел с удивлением, но с места тронулся.

Дорога до клуба долгой не была. Всего десять минут. Сегодня Дима уложился в три. Но и это время показалось целой жизнью. Я ерзала на сиденье и нервно вглядывалась в окутанные ночной тьмой дома.

Клуб работал до одиннадцати вечера. Оба мы прекрасно понимали, что мне абсолютно нечего делать там сейчас.

Из-за по-зимнему нагих веток деревьев показалось очертание клуба. Он занимал просторную огороженную территорию и был последним домом на улице. Дальше начинался лес. Их разделяла дорога, о которой знали лишь местные и поставщики клуба.

Обычно в клубе всегда было людно. Он был совсем неплох, хоть и довольно дорог. Спа-зона и косметические кабинеты могли порадовать даже очень притязательную публику. Летом на лужайках возле здания проводили занятия йогой. Но мне никогда не было до это дела. Сейчас тем более.

С момента водворения в мой дом Дима каждый день привозил меня сюда. Я скрывалась за воротами клуба и возвращалась спустя несколько часов. Однако в клубе я задерживалась не больше пары минут.

Ровно столько времени необходимо было, чтобы обойти здание и выйти через калитку черного входа.

– За зданием поверни налево.

Дима бросил на меня хмурый взгляд. Но промолчал. Не совсем дурак, на рожон не лезет.

– Сейчас прямо. Видишь фонари? Нам туда.

От клуба до ворот, у которых мы остановились, пешком было минут пятнадцать, не больше. Летом здесь было приятно прогуливаться. Все вокруг зелено. Птички поют. По одну сторону дороги лес, по другую ухоженный парк.

Шлагбаум, вопреки сложившейся традиции, не открылся. Из будки охранников показалось знакомое лицо. Нашему появлению были не рады, оно и понятно – глубокая ночь. Дима открыл окно. Не желая тратить время на болтовню, я перегнулась через водителя и высунулась в окно:

– Доброй ночи, Юрий. Откройте, пожалуйста.

Охранник узнал меня сразу. Кивнул и пропустил на территорию. В незнакомом месте Дима чувствовал себя неуютно. За деревьями показались освещенные фонарями корпуса. Их тусклый свет рассеивал тьму и его тревогу. Но не мою.

На крыльце одного из домов стоял мужчина. Он кутался в куртку и ждал нашего приближения. Едва Дима остановился, я поспешила к нему.

– Добрый вечер, – догоняя меня, поздоровался Леша.

– Аркадий у себя? – нервно вдавливая кнопку лифта, спросила я.

– Да, ждет тебя в своем кабинете.

Дима проскользнул в кабину лифта вслед за нами. Спорить не было ни времени, ни желания. Все потеряло значи-

мость.

Меня слегка потряхивало. Не то от холода, не то от нервов. Впрочем, все это неважно.

Я стремительно, едва ли не бегом, бросилась к его кабинету. Сопровождавшие меня мужчины остались за дверью. Но стоило переступить порог, как от бывлой решимости не осталось и следа.

Аркадий Львович поправил очки и произнес с привычно ласковой интонацией:

– Присаживайся.

Я села в кресло в углу. Уже несколько лет оно было мне вместо электрического стула. С той только разницей, что последний имел отличное свойство – не выпускать жертву живой. Моя же мука, казалось, будет длиться бесконечно. Но пусть лучше так, ведь счастливый финал дарован не всем.

Аркадию Львовичу было около шестидесяти. Плотный мужчина с густой, давно поседевшей шевелюрой. Он смотрел на людей всепонимающим всепрощающим взглядом усталых глаз. Иногда мне казалось, не будь он врачом, стал был хорошим священником. Ведь лечить души не менее важно, чем тела. Может и важнее.

Мы давно перешли на «ты». И в разговорах с ним я не скрывалась за масками. Он видел ту Зазеркальную Еву, которую боялась я сама.

Едва слышно я задала обычный свой вопрос:

– Как он?

– В реанимации. Возможно, завтра-послезавтра я разрешу его навестить. Сейчас это невозможно. Напрасно приехала. Но ты ведь и сама это знаешь.

Я знала. Но какой от этого толк? Я с упрямой и бестолковой надеждой спросила:

– Значит, все не так страшно? Ему снова станет лучше?

– Ева, – опустил глаза Аркадий. Иногда даже он не выдерживал мой взгляд. – Прости. Я не могу тебе сказать то, что ты хочешь услышать.

– И все же...

– Нет, Ева.

– Аркадий...

– Приступ был слишком сильным. Он окончательно подорвал его силы. Не могу ручаться, что...

– Но ведь ты же сам сказал, что уже завтра ему станет лучше и я смогу навестить его!

– Ева, – призвал к порядку он. – Не передергивай. Ты все прекрасно понимаешь.

Я прикрыла ладонями лицо. Слез не было. Я уже давно забыла их вкус. Меня покинуло даже отчаянье. Осталась только усталость.

– Знаешь, – глухо сказала я. – Люди – странные существа. Даже когда бой давно проигран, все еще надеются на чудо.

– Чудеса наукой не доказаны, – пожал плечами он. – Но иногда случаются.

– Не мой случай?

– Боюсь, что нет.

Я провела в его кабинете еще несколько минут. И тяжело поднявшись, поплелась к выходу. Остаться больше не было никакого смысла.

– На тебе лица нет, – нахмурился Аркадий. – Присядь, я позову медсестру.

– Лишнее. Я в норме. Правда. С такими, как я, ничего не случается.

Аркадий нахмурился еще больше. Но я решительно распахнула дверь и вышла в коридор. Напротив, прислонившись спиной к стене, стоял Дима. Я успела забыть про него и оттого слегка удивилась. Впрочем, какая разница. Рано или поздно.

Мой внешний вид сегодня подкачал. Дима посмотрел с подозрением. Леша не смог скрыть тревогу. Я сказала ему дежурное: «Увидимся завтра» и поплелась к лифту.

Дима плелся следом. Мы шли по длинному больничному коридору: я впереди, а он на шаг позади. Я не ощущала его взгляд на своем затылке, не замечала прервавших разговор и сконцентрировавших на мне все внимание двух ночных медсестер. Сплетницы. Работа здесь притупила их чувства, происходящее вокруг стало лишь поводом почесать язык.

Я чувствовала себя канатоходцем, идущим по натянутой над пропастью веревке. Выпрямив спину и накрепко сжав кулаки, я шла вперед. Не оборачиваться назад, не оглядываться. Только вперед. И так до финиша. И так, пока не ока-

жусь в своей спальне одна. Шаг, еще один и еще...

Осталось немного. Я передохну в лифте. Потом несколько минут в машине – ночная тьма укроет меня от чужих глаз своим покрывалом. И все. Я дома. Осталось всего чуть-чуть.

Но я не смогла. В этот раз это оказалось сильнее меня. Сделав еще пару шагов, неожиданно поняла, что веревка, по которой я так старательно вышагивала, вдруг оборвалась. Пропась раскрыла свои объятия, и я стремительно рухнула вниз.

Резкий запах нашатыря ударил в нос. Закашлявшись, я открыла глаза. Все предметы расплылись, смешались в единое цветастое облако, кружившееся с бешеной скоростью. Я зажмурилась. Меня мутило, словно я на корабле, а за бортом шторм в девять баллов.

Я услышала голос Аркадия. Он звал меня по имени. Недовольные нотки резали ухо, хоть он и пытался их скрыть. Я знала, причина его недовольства – я сама.

Я чувствовала его пальцы на своем запястье. Сколько ударов в минуту насчитывает мой пульс? Какая, к черту, разница?

Когда сил не остается, приходится держаться за счет воли.

Вторая попытка была удачной. Комната еще шаталась, но имела вполне четкие очертания. К сожалению, Дима в интерьере тоже присутствовал. Напряженно следил за всем происходящим, запоминал каждое движение, слово. Я поморщилась. Доносчик.

Острая игла вошла в вену. Некое чудодейственное лекарство, волшебная формула, смешавшись с кровью, побежало по венам.

Аркадий передал медсестре пустой шприц. Наверное, мне станет лучше. Зачем? Понятия не имею. Ведь, что так что этак, я ровным счетом ничего не смогу изменить.

Будто с малым ребенком общаясь, Аркадий мурлыкнул:

– Вот и все. Не больно, правда?

– Не больно, – подтвердила я и попыталась принять сидячее положение.

Он тут же властно прекратил мои попытки. Строго велел присутствующим:

– Выйдите все.

Дима уходить не хотел. Но под взглядом Аркадия сдался почти сразу. Когда мы остались одни, Аркадий отечески-бережно взял мою руку. Опустил рукав, закатанный для укола. Я рассматривала потолок и ждала. Он давно хотел поговорить со мной, я знала. Но старательно избегала этого. Сейчас же улизнуть не получилось.

– Ты сильная женщина, Ева. Очень. И гордая. И возможно, ты права, отказываясь от помощи некоторых людей, избегая ненужного или даже лживого внимания, наигранного сочувствия. В племени людском чистых сердцем осталось немного. За годы эволюции почти все вымерли. А твоя красота и независимость словно магнит для всякой швали. Будучи ослепленной горем, ошибиться нетрудно... Но отказы-

ваться от медицинской помощи по меньшей мере глупо! А я привык видеть в тебе умную женщину! Ты понимаешь, о чем я?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.